

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

Federal State-Funded Education Institution for Higher Professional Education

«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

www.linguanet.ru

VESTNIK
of Moscow State Linguistic University

The year of foundation – 1940

Issue 22 (708)

LEGAL SCIENCE

**CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY:
THE STRATEGY OF CRIMINAL POLICY IN THE 21ST
CENTURY**

Moscow
FSFEI HPE MSLU
2014

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК
Московского государственного лингвистического
университета

Год основания издания – 1940

Выпуск 22 (708)

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНАЛИСТИКА:
СТРАТЕГИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ
В XXI ВЕКЕ**

Москва
ФГБОУ ВПО МГЛУ
2014

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор издания
доктор педагогических наук, профессор, академик РАО

И. И. Халева

Издание входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Редакционная коллегия:

д-р юрид. наук, проф. Н. А. Шулепов
(*ответственный редактор*);
д-р юрид. наук, проф. В. А. Казакова
(*зам. ответственного редактора*);
д-р юрид. наук, доцент И. Ю. Белый;
д-р юрид. наук, проф. В. Г. Гриб
д-р юрид. наук, проф. С. М. Иншаков
д-р юрид. наук, д-р полит. наук, проф. О. Г. Карпович
д-р юрид. наук, доцент Ю. Ю. Соковых
канд. юрид. наук С. Ю. Кораблёва
(*ответственный секретарь*)

© Московский государственный лингвистический университет, 2014

Издание зарегистрировано 10 октября 2014 г. Эл № ФС77-59634 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР)

Учредитель: ФГБОУ ВПО МГЛУ

Над выпуском работали:

Редактор Д. Г. Бордукова

Компьютерная верстка Г. П. Лопатиной

Дизайн обложки А. Г. Проскуряков

ФГБОУ ВПО МГЛУ
Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

ОАО Агентство «Роспечать»
Подписной индекс – 18066
Подписано в печать 08.10.2014
Объем 6,5 п. л. Формат 60х90/16
Сетевое электронное научное издание
Заказ № 1245

Перепечатка материалов Вестника МГЛУ
возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания;
ссылка на издание при перепечатке обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Адамян Р. Э., Гриб В. Г.</i> О причинах и условиях, негативно влияющих на противодействие хищению и коррупции	7
<i>Ведерникова О. Н.</i> Международно-правовые основы российского уголовного права и практики его применения	15
<i>Иншаков С. М.</i> Эффективность уголовного наказания: методика анализа	24
<i>Казакова В. А.</i> Характеристика женщин, отбывающих лишение свободы за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков (по материалам специальной переписи осужденных 2009 г.)	40
<i>Малков В. Д.</i> Предупреждение и профилактика преступлений и иных правонарушений в системе борьбы с преступностью	49
<i>Шулепов Н. А.</i> Уголовно-правовые вопросы таможенной безопасности Евразийского экономического союза	61
<i>Шулепова Л. Ф.</i> Антитеррористическое уголовное законодательство Франции и практика его применения	69

CONTENTS

Adamyan R. E., Grib V. G.
The Major Factors Contributing to the Fight Against embezzlement

Vedernikova O. N.
International Legal Fundamentals of the Criminal Law
and the Practice of its Application

Inshakov S. M.
The Effectiveness of Criminal Punishment: Methods of Analysis

Kazakova V. A.
The Characteristic of the Women Serving the Sentence
of Imprisonment for Illicit Drugtrafficking (According to the Material
of the Special Census of Convicts of 2009)

Malkov V. D.
The Prevention of Crime and Other Offences
in the System of Combating Crime

Shulepov N. A.
Criminal Law Issues of the Customs security
of the Eurasian economic Union

Shulepova L. F.
*Anti-terrorism Criminal Legislation of France
and the Practice of its Application*

УДК 343.337.4

И. Ю. Белый, Н. А. Шулепов

Белый И. Ю., доктор юридических наук, профессор кафедры международного и конституционного права Института права, экономики и управления информацией МГЛУ, доцент; e-mail: jurfak_mglu@mail.ru

Шулепов Н. А., доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, заведующий кафедрой международного и конституционного права Института права, экономики и управления информацией МГЛУ, профессор; e-mail: shulepov-n@mail.ru

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ВОИНСКИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ И ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ В НОВОМ УК ВЕНГРИИ

Одной из существенных особенностей нового УК Венгрии является его ориентация на стандарты, разработанные в Европейском Союзе. В рамках настоящей статьи предпринята попытка уяснить реализованные в УК нового члена ЕС подходы к формированию составов преступлений против воинских обязательств и военной службы (воинских преступлений).

Ключевые слова: Уголовный кодекс Венгрии; воинские преступления; уголовная ответственность военнослужащих.

I. Yu. Belyj, N. A. Shulepov

Belyj I. Yu., Ph. D. (Law, higher doctorate degree), Professor, Department of International and Constitutional Law, Institute of Law, Economics and Information Management, MSLU

Shulepov N. A., Ph. D. (Law, higher doctorate degree), Honoured jurist of Russian Federation, Professor, Head of Department of International and Constitutional Law, Institute of Law, Economics and Information Management, MSLU

OFFENCES AGAINST MILITARY DUTY AND MILITARY SERVICE IN THE NEW CRIMINAL CODE OF HUNGARY

One of the significant features of the new Criminal Code of Hungary is its orientation to standards developed by the European Union. In this article, an attempt has been made to understand in the Criminal Code a new Member of the EU approaches to formation of crimes against military obligations and military service (military offences).

Key words: Criminal Code of Hungary; military offences; criminal liability of military personnel.

13 июля 2012 г. Президент Венгрии подписал новый Уголовный кодекс (далее – УК), который вступил в силу с 1 июля 2013 г. Работа над новым УК Венгрии началась еще в 2001 г. и проводилась с целью замены наполненного многочисленными изменениями и дополнениями УК 1978 г. Новый УК, принятый Парламентом Венгрии 25 июня 2012 г., насчитывает 120 страниц и содержит более 460 статей. Одной из существенных особенностей нового УК является его ориентация на стандарты, разработанные в Европейском Союзе. Это естественно, поскольку страна с 2004 г. является членом ЕС, а с 1 января 2011 г. в течение полугода председательствовала в Европейском Союзе. В преамбуле к УК прямо говорится, что в нем приняты во внимание международно-правовые обязательства перед ЕС, а в ст. 465 УК дается обширный перечень законов ЕС, на которых основываются положения нового УК.

В рамках настоящей статьи предпринята попытка уяснить реализованные в УК нового члена ЕС подходы к формированию составов преступлений против воинских обязательств и военной службы (воинских преступлений). Наш интерес к рассматриваемому вопросу объясняется еще и тем фактом, что в 1999 г. бывшая социалистическая Венгрия стала членом НАТО и перед венгерским законодателем стояла задача гармонизировать свое военно-уголовное законодательство с другими членами этой организации.

По мнению специалистов, новый УК Венгрии является более «строгим» не только потому, что предусматривает более суровые санкции для рецидивистов и лиц, совершивших преступления насильственного характера, но и в связи с тем обстоятельством, что новый УК усилил защиту должностных лиц, чиновников, работников скорой помощи, учителей, несовершеннолетних; расширил пределы необходимой обороны; повысил предельный возраст жертв сексуального насилия; увеличил санкции в отношении ответственности за отрицание нацистских и коммунистических преступлений, браконьерства, пьянства за рулем и т. д.

Существенной реформе подверглась система уголовных наказаний. Новый Кодекс «имплементировал» американский закон «трех преступлений» («Three strikes laws»)¹, в соответствии с которым для лиц, совершивших тяжкие преступления три и более раз,

¹ В половине штатов США действует закон, устанавливающий систему «третья посадка – навсегда».

предусматриваются более длительные сроки лишения свободы; установил ряд новых уголовных наказаний, а именно – краткосрочное содержание под стражей, компенсационные работы, запрет на посещение стадионов.

В целом, как отмечает венгерский госсекретарь юстиции Роберт Репашши [2], новый УК Венгрии:

- является более строгим, однако недифференцированным;
- основан на соразмерности преступления и наказания;
- поможет судьям индивидуально подходить к рассмотрению характера преступников и обстоятельств, при которых совершено преступление;
- позволит увеличить число людей, помещенных под домашний арест в качестве предварительного заключения;
- на 90 % состоит из положений старого Кодекса, а на 10 % – из «... неэффективных, но строгих положений».

Первым шагом на пути к унификации внутреннего уголовного законодательства Венгрии и законодательства Евросоюза стало принятие Венгрией в декабре 2001 г. Закона «О мерах, применимых к юридическим лицам в рамках уголовного права» [3], который вступил в силу с 1 мая 2004 г. – до этого уголовная ответственность юридических лиц не устанавливалась законодательством Венгрии (единственное исключение из этого традиционного принципа в истории венгерского права было в 1939 г., когда стало возможным обязывать корпорацию выплачивать компенсацию вместе с физическим лицом, если преступление было совершено от имени корпорации ее служащим или агентом. Ответственность юридического лица была установлена отдельно от вины физического лица) [1].

Дальнейшим шагом венгерского законодателя стало установление в Главе 44 УК уголовной ответственности за преступления против военных обязательств, совершенных в особых условиях. Под особыми условиями законодатель (ст. 433 УК Венгрии) понимает следующие условия:

- объявление всеобщей мобилизации во время военного положения или национального кризиса; чрезвычайного положения или военной угрозы.

При этом преступления, посягающие на порядок исполнения «военных обязательств» в особых условиях включают в себя не только такие «традиционные» преступления, как уклонение от призыва, уклонение военнообязанного от прохождения военной службы

и отказ от военной службы, но еще и ряд других преступлений таких, как нарушение правил несения службы гражданской обороны, нарушение правил исполнения военных работ, нарушение правил обеспечения военной безопасности, а также создание препятствий с целью неявки на военную службу.

При этом законодатель установил, что субъектами преступлений против военных обязанностей в особых условиях могут быть:

- военнообязанные (ст. 425–427);
- любые физические вменяемые лица, достигшие возраста уголовной ответственности (ст. 428);
- лица, обязанные исполнять специальные обязанности в области военной безопасности (ст. 429–431).

Тем не менее, невзирая на довольно суровые санкции, установленные за совершение преступлений против военных обязательств, совершенных в особых условиях (только лишение свободы), законодатель предусмотрел основания освобождения от уголовной ответственности, отметив в статье 432 УК Венгрии следующее: «Лицо, совершившее преступления, предусмотренные настоящей Главой, может быть освобождено от уголовной ответственности (полностью или частично), если лицо добровольно исполнит свое невыполненное обязательство».

Глава 45 УК Венгрии устанавливает уголовную ответственность за совершение следующих видов преступлений:

- 1) против порядка прохождения военной службы:
 - дезертирство (ст. 434);
 - самовольное оставление части или места службы (ст. 435);
 - уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами (ст. 436);
 - отказ от исполнения обязанностей военной службы (ст. 437);
- 2) против порядка несения специальных видов военной службы (нарядов):
 - нарушение уставных правил несения наряда (караульной, охранной, патрульной службы или правил боевого дежурства) (ст. 438);
 - уклонение от несения службы в наряде (ст. 439);

- 3) воинские должностные преступления:
 - нарушение порядка служебного доклада (ст. 440);
 - злоупотребление служебными полномочиями (ст. 441);
 - злоупотребление правом вышестоящим начальником (ст. 450);
 - пренебрежительное отношение к служебным обязанностям вышестоящим начальником (ст. 451);
 - бездействие начальника (ст. 452);
 - бесконтрольность начальника (ст. 453);
 - подрыв боевой готовности (ст. 454);
- 4) преступления против порядка подчиненности:
 - военный мятеж (ст. 442);
 - неисполнение обязанностей по предотвращению военного мятежа (ст. 443);
 - неподчинение приказу (ст. 444);
 - нападение на вышестоящего начальника или представителя публичной власти (ст. 445);
 - нападение на лицо, действующее в защиту или назначенного обеспечить защиту вышестоящего начальника или представителя публичной власти (ст. 446);
 - оскорбление власти (ст. 447);
 - подстрекательство (ст. 448);
 - оскорбление подчиненного (ст. 449);
- 5) преступления против военной службы, совершаемые в особых условиях (в боевой обстановке¹, в военное время или в условиях военного положения):
 - нарушение обязанностей командиром (ст. 455);
 - уклонение от исполнения служебных обязанностей в бою (ст. 456);
 - деморализация войск (ст. 457);
 - военный мятеж (п. 6) ч. 5 ст. 442.

В статье 458 УК Венгрии законодатель пояснил, что для целей настоящей Главы «военная служба» должна означать службу, исполняемую лицами, указанными в части 1 статьи 127 УК. Анализ указанной нормы позволяет заключить, что субъектами преступлений

¹ «Боевая обстановка должна означать деятельное участие в боевых операциях». См.: п. 6) ст. 458 УК Венгрии.

против военной службы могут выступать следующие категории лиц [4], которых венгерский законодатель признает военнослужащими:

- военнослужащие регулярных Вооруженных Сил Венгрии;
- кадровые сотрудники полиции;
- Парламентская Гвардия;
- кадровые сотрудники Департамента исправительных учреждений;
- кадровые сотрудники органов управления Службы по стихийным бедствиям и гражданских национальных служб безопасности.

Уголовным законодательством Венгерской Республики предусмотрено, что преступления против военной службы могут иметь квалифицированный или особо квалифицированный состав, если они:

- совершены с заранее обдуманым злым умыслом;
- имеют в качестве последствий тяжкое телесное повреждение или значительное неблагоприятное последствие для службы;
- совершены путем демонстрации или ношения оружия;
- совершены группой лиц;
- совершены в ходе исполнения важного наряда или путем извлечения выгоды от несения такого наряда;
- совершены путем использования силы против какого-либо лица;
- совершены с причинением вреда нескольким подчиненным;
- совершены за границей;
- совершены за границей в период выполнения миротворческой или гуманитарной операции на иностранной территории;
- совершены в военное время или в состоянии военного положения;
- несут потенциальную возможность явиться причиной значительного вреда для службы или дисциплины, или для общественной безопасности;
- совершены в боевой обстановке;
- являются причиной недовольства или другого нарушения обязанностей среди солдат в боевой обстановке или влекут за собой причинение иного существенного для службы вреда;
- сопряжены с причинением существенного или особенно значительного вреда;
- повлекли причинение серьезного физического или психического вреда;

– повлекли постоянную утрату трудоспособности, серьезное ухудшение здоровья потерпевшего или опасность для жизни;

– имели своим последствием смертельный случай;

– сопряжены с убийством;

– сопряжены с наступлением тяжких последствий;

– совершены в присутствии других подчиненных или публично, или сопряжены с явно выраженным отказом подчиниться приказу или каким-либо другим пренебрежительным способом.

В качестве наказания законодателем предусмотрен основной и практически единственный вид – лишение свободы на определенный срок. Исключение составляют нормы ст. 438 (нарушение уставных правил несения наряда (караульной, охранной, патрульной службы или правил боевого дежурства) и ст. 444 (неподчинение приказу), которые предусматривают в качестве уголовного наказания тюремный арест.

По общему же правилу санкции статей преступлений против военной службы предусматривают лишение свободы на срок от одного года до пятнадцати лет.

Кроме того, законодателем предусмотрены и условия освобождения (полного или частичного) от уголовной ответственности за совершение преступлений против военной службы. Среди таких условий имеют место следующие:

– если лицо, совершившее преступление, самостоятельно является с повинной в течение определенного законом срока (ст. 434);

– если лицо прекращает военный мятеж в момент получения приказа о прекращении или до наступления тяжких последствий (ст. 444).

В целом же следует признать, что положения нового уголовного кодекса Венгерской республики, предусматривающие уголовную ответственность за преступления против воинских обязательств и военной службы (воинских преступлений), нуждаются в дальнейшей систематизации и унификации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Панарина В. В.* О мерах, применимых к юридическим лицам, в уголовном праве Венгрии // Особенности теории и практики нормативно-правового регулирования общественных отношений и правоприменения в различных правовых семьях мира в призме использования их

рационального опыта в правовой системе России, в том числе в системе МВД России: материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 13 мая 2011 г. – С. 175 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.klimvd.ru/files/mejd_opit/Panarina.pdf (дата обращения 04.02.2014).

2. Пресс-конференция Госсекретаря юстиции Венгрии Роберта Репашши 13 февраля 2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://baks-mail.ru/v-vjengrii-novuj-ugolovnyj-kodjeks.html> (дата обращения: 04.02.2014).
3. Act CIV of 2001 on Measures Applicable to Legal Entities under Criminal Law.
4. Enters into force as under Subsection (1) of Section 19 of Act LXXVIII of 2013.

УДК 347.168

С. Н. Будай

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Института права, экономики и управления информацией МГЛУ; e-mail: bsn1902@yandex.ru

ОГРАНИЧЕНИЯ И ЗАПРЕТЫ, СВЯЗАННЫЕ С РЕАЛИЗАЦИЕЙ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ СЛУЖАЩИМИ ПРАВА НА ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ И НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статья посвящена актуальным вопросам правового регулирования установления ограничений и запретов, связанных с реализацией государственными служащими права на осуществление педагогической и научной деятельности. Основное внимание автор придает анализу ограничений и запретов этического характера. Исследуя комплекс проблем в рассматриваемой сфере правоотношений, автор предлагает ряд мер по их решению.

Ключевые слова: запреты и ограничения по службе; этические нормы; научная и педагогическая деятельность государственных служащих; служебное поведение.

Buday S. N.

Ph. D (Law), Professor, Department of Civil Law Disciplines, Institute of Law, Economics and Information Management, MSLU; e-mail: bsn1902@yandex.ru

IMPOSING RESTRICTIONS AND PROHIBITIONS RELATED TO IMPLEMENTATION OF PUBLIC SERVANTS THE RIGHT TO CARRY OUT TEACHING AND RESEARCH ACTIVITIES

Article is devoted to topical issues of legal regulation imposing restrictions and prohibitions related to implementation of public servants the right to carry out teaching and research activities. Main attention is attached to the analysis of the limitations and prohibitions of an ethical nature. Exploring the complex problems in this area of relationships, the author proposes a number of measures to address them.

Key words: prohibition and restriction on service; ethical norm; scientific and pedagogical activity of civil officer; behavior at work.

В системе государственной службы запреты и ограничения различного характера в зависимости от сферы их реализации дифференцируются на запреты и ограничения, которые реализуются во

внешней сфере деятельности государственного служащего, а также на запреты и ограничения, которые реализуются внутри служебных отношений. Необходимо отметить, что административные запреты в государственно-служебной сфере достаточно разнообразны. Перед каждой группой данных запретов стоят свои задачи, которые подчиняются общим задачам правового регулирования надлежащего служебного поведения, а также укрепления законности и правопорядка в системе государственной службы [4, с. 32].

В целом, в России на протяжении последних двадцати лет постоянно увеличивается число государственных служащих, имеющих ученые степени и ученые звания. Во многих высших образовательных учреждениях работает большое количество государственных служащих. В отдельных случаях они в качестве совместителей занимают должности профессорско-преподавательского состава, выполняют функции организационно-распорядительного характера (например, в качестве заведующих кафедрами). Учитывая, что научная и педагогическая деятельность государственных служащих входит в круг интересов, находящихся за пределами государственной службы, возникает вопрос об установлении в этой сфере определенных ограничений, об их характере и о границах.

В соответствии с ч. 1 ст. 44 Конституции Российской Федерации государственные служащие, как и иные граждане, наделены свободой литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества и преподавания, что согласуется с п. 3 ст. 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, однако их реализация в данном случае характеризуется определенными особенностями, связанными с государственной службой гражданина.

Действующим Федеральным законом от 22 августа 1996 г. №125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» в ст. 3 определено, что педагогическим работникам из числа профессорско-преподавательского состава, научным работникам высшего учебного заведения предоставляются академические свободы, в том числе свобода педагогического работника высшего учебного заведения излагать учебный предмет по своему усмотрению, выбирать темы для научных исследований и проводить их своими методами, а также предоставляется свобода студентам получать знания согласно своим склонностям и потребностям. Аналогичным

образом определяет права и свободы педагогических работников вступивший в силу с 01 сентября 2013 г. Федеральный закон от 29 января 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ст. 47).

Правовое положение (статус) государственного служащего, в том числе ограничения, обязательства, правила служебного поведения устанавливаются соответствующим Федеральным законом о виде государственной службы (ст. 10 Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации»).

Относительно отдельных видов государственной службы рассматриваемый вопрос регулируется по-разному. Так, Федеральным законом от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» каких-либо условий занятия гражданскими служащими научной и педагогической деятельностью не определено. Согласно ст. 4 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» прокурорские работники не вправе совмещать свою основную деятельность с иной оплачиваемой или безвозмездной деятельностью, кроме преподавательской, научной и иной творческой деятельности.

Наиболее удачно, по-нашему мнению, сформулирована позиция законодателя по рассматриваемому вопросу относительно военной службы. Федеральным законом от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» в ст. 7 определено, что военнослужащие не вправе заниматься другой оплачиваемой деятельностью, за исключением педагогической, научной и иной творческой деятельности, *если она не препятствует исполнению обязанностей военной службы*.

Иногда законодатель материально стимулирует наличие у государственных служащих ученой степени или ученого звания, устанавливая соответствующие надбавки к размеру их денежного содержания. Так, в ст. 44 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» закреплена соответствующая надбавка к должностному окладу для прокурорских работников. Таким же образом установлена надбавка для сотрудников Следственного комитета Российской Федерации (ст. 35 Федерального закона Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской

Федерации»). В отдельных случаях аналогичным образом региональными законодательными актами устанавливаются соответствующие надбавки для гражданских служащих субъектов Федерации.

Указом Президента Российской Федерации от 12 августа 2002 г. №885 утверждены общие принципы служебного поведения государственных служащих, в частности их обязанность исполнять должностные обязанности добросовестно и на высоком профессиональном уровне в целях обеспечения эффективной работы государственных органов; исходить из того, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина определяют основной смысл и содержание деятельности органов государственной власти и государственных служащих.

Представляется, что право на занятие оплачиваемой педагогической деятельностью государственный служащий может реализовать исключительно в виде формализованного сотрудничества с образовательными учреждениями (заключение трудового либо гражданско-правового договора). Однако при этом важным условием преподавательской и иной творческой деятельности является отсутствие препятствий для исполнения государственным служащим служебных обязанностей, т. е. внеслужебная деятельность должна осуществляться, исходя из установленных в государственном органе (его структурном подразделении) правил внутреннего трудового распорядка, по окончании рабочего дня либо в выходные, праздничные дни и в период нахождения в отпуске. Исходя из особенностей организации учебного процесса в образовательных учреждениях высшего профессионального образования, представляется, что проведение занятий исключительно в подобном режиме затруднительно, и в отдельных случаях государственный служащий участвует в учебном процессе также и в служебное время.

Полагаем оправданной позицию А. В. Кудашкина и Т. Л. Козлова, связанную с тем, что ненадлежащее исполнение должностных (служебных) обязанностей, например, может проистекать из-за работы государственного служащего по совместительству в иной по отношению к основному месту работы организации (в целях получения дополнительного заработка), что также относится к разновидности конфликта интересов. В таком случае личная заинтересованность государственного служащего может влиять на качественное исполнение должностных обязанностей [3]. В связи с этим занятие государственным служащим иной оплачиваемой деятельностью,

включая научную и педагогическую, допускается при условии уведомления работодателя. При нарушении государственным служащим этических и иных требований в рассматриваемой сфере в отдельных случаях вопрос может быть вынесен на рассмотрение комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных служащих и к урегулированию конфликта интересов.

Вступая в отношения с образовательным учреждением, можно условно представить, что в момент нахождения в учебной аудитории государственный служащий формально выходит за пределы отношений, связанных с исполнением им обязанностей по службе, однако здесь имеются некоторые нюансы этического характера. Даже в том случае, когда государственный служащий, являющийся преподавателем вуза, не афиширует свою настоящую принадлежность к конкретному государственному органу, для администрации и студентов образовательного учреждения он фактически его олицетворяет. При этом различные высказывания по отдельным вопросам, особенно практической направленности, воспринимаются с определенной долей официальной окраски. Этот аспект государственный служащий должен учитывать, особенно, когда он дает отдельные комментарии по актуальным проблемам, в том числе социально-политического характера.

Соблюдение установленных в государственном органе правил публичных выступлений и предоставления служебной информации как обязанность государственных служащих закреплена Указом Президента Российской Федерации от 12 августа 2002 г. №885 «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих». Кроме того, «Типовой кодекс этики и служебного поведения» государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих, одобренный решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. , рекомендует воздерживаться от публичных высказываний, суждений и оценок в отношении деятельности государственного органа или органа местного самоуправления, его руководителя, если это не входит в должностные обязанности государственного (муниципального) служащего (подпункт «п» пункта 11).

Важно заметить, что указанные выше аспекты, как правило, рассматриваются в ведомственных этических кодексах. При этом сфера действия этих актов часто охватывает как служебные, так

и внеслужебные отношения государственного служащего, т. е., находясь за кафедрой в вузовской аудитории, направляя в издательство публикацию, служащий должен исходить из того, что он является представителем государства и соответствующего государственного органа и руководствоваться установленными правилами поведения и общепринятыми нормами морали и нравственности.

Часто при размещении государственным служащим научных публикаций и иных материалов творческого характера возникает вопрос, указывать ли свою принадлежность к конкретному государственному органу. Исходя из изложенного, представляется, что в случае, если автор желает подчеркнуть факт нахождения на государственной службе с указанием конкретной должности, необходимо получение соответствующего разрешения от руководителя.

Вопросом, требующим дополнительного рассмотрения, является использование государственным служащим в научной и в педагогической деятельности служебной информации. Актуальность вопроса заключается в недостаточной определенности правовых норм, устанавливающих ограничения в рассматриваемой сфере [2, с. 29–34]. Прежде всего важно выяснить, является ли информация служебной или ограниченного распространения, и не отнесена ли, согласно Указу Президента Российской Федерации от 06 марта 1997 г. №188 «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера» к служебным сведениям (служебной тайне).

Федеральный закон от 27 июля 2006 г. №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» определяет основания ограничения доступа к информации (ст. 8). Кроме того, государственный (муниципальный) служащий обязан принимать соответствующие меры по обеспечению безопасности и конфиденциальности информации, за несанкционированное разглашение которой он несет ответственность или (и) которая стала известна ему в связи с исполнением им должностных обязанностей (п. 20 «Типового кодекса этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих», одобренного решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г.).

В связи с этим необходимо заметить, что на государственных гражданских служащих распространяется запрет, установленный

ст. 17 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», о разглашении или об использовании в целях, не связанных с государственной гражданской службой, сведений, отнесенных в соответствии с Федеральным законом к сведениям конфиденциального характера или к служебной информации, ставшей ему известной в связи с исполнением должностных обязанностей. При этом, если исчерпывающий перечень сведений конфиденциального характера изложен в Указе Президента Российской Федерации от 06 марта 1997 г. № 188 «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера», то сведения, раскрывающие понятие служебной информации, в действующем законодательстве не определены.

На практике встречаются случаи, когда ограничения на доступ к информации устанавливаются подзаконными актами. Одним из примеров является постановление Правительства Российской Федерации от 03 ноября 1994 г. № 1233 «Об утверждении Положения о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в федеральных органах исполнительной власти и уполномоченном органе управления использованием атомной энергии». Именно в данном нормативном правовом акте вводится понятие «служебная информация ограниченного распространения», к которой относится несекретная информация, касающаяся деятельности организаций, ограничения на распространение которой диктуются служебной необходимостью.

Многие правоведы критически оценивают содержание постановления Правительства Российской Федерации от 03 ноября 1994 г. № 1233, отмечая в качестве основных его недостатков: узкую сферу действия, предоставление руководителям федеральных органов исполнительной власти чрезмерно широких полномочий по определению сроков ограничения, порядка и условий защиты служебной информации [6]. По мнению А. Антопольского [1, с. 217], основным недостатком указанного постановления Правительства Российской Федерации является крайне нечеткое определение понятие «служебная информация ограниченного распространения» в п. 1.2, поскольку категория «служебная необходимость» не определена ни в законодательстве, ни в юридической доктрине и может быть истолкована сколь угодно широко [5, с. 26].

Необходимо заметить, что, как правило, порядок обращения со служебной информацией ограниченного доступа регламентируется ведомственными нормативными правовыми актами.

Использование служебной информации государственным служащим в нарушение установленного порядка может повлечь для него негативные последствия правового характера. Для государственных гражданских служащих существует общий запрет на разглашение или использование в целях, не связанных с гражданской службой, сведений, отнесенных в соответствии с Федеральным законом к сведениям конфиденциального характера или служебной информации, ставших им известными в связи с исполнением должностных обязанностей. Нарушение данных требований является основанием для прекращения служебного контракта или трудового договора, освобождения от замещаемой должности и увольнения с гражданской службы.

Таким образом, при реализации государственными служащими права на осуществление педагогической и научной деятельности возникает ряд вопросов административно-правового и этического характера, требующих комплексного подхода в их разрешении. Наиболее сложно, на наш взгляд, определить границы ограничений и запретов этического характера. Однако именно нравственные требования можно считать приоритетными в числе тех, которые предъявляются не только непосредственно к служебной деятельности государственного служащего, но и к правильности выстраиваемых им взаимоотношений в сфере реализации иных интересов, находящихся за пределами государственной службы.

Безусловно научная, педагогическая этика в широком смысле – это не только административные правила, но и совокупность моральных принципов, которых придерживаются научно-педагогические работники в образовательной деятельности и в науке. Именно поэтому невозможно полностью конкретизировать все вопросы этического характера, касающиеся жизни и деятельности государственного служащего, в том числе в рассматриваемой сфере. На наш взгляд, нет и необходимости подобного упорядочения всех случаев нарушения этических требований. Как правило, нравственные нормы, в отличие, например, от норм права либо религиозных норм, не имеют однозначной и единой для всех жизненных ситуаций формулы.

Ключевым аспектом в рассматриваемых отношениях является самостоятельное осмысление государственным служащим конкретной ситуации, его личное понимание этических границ и последствий собственного нравственного выбора. Необходимо исходить из того, что если человек выбрал государственную службу, он должен быть готов к этим ограничениям, к общественному контролю, к выполнению специальных требований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Антопольский А. А.* Правовое регулирование информации ограниченного доступа в сфере государственного управления: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – 289 с.
2. *Буда́й С. Н., Харитонов С. С.* Некоторые вопросы правового регулирования использования прокурорскими работниками служебной информации в научной и педагогической деятельности // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. – 2011. – № 4. – С. 29–34.
3. *Козлов Т. Л., Кудашкин А. В.* Порядок регулирования конфликта интересов нуждается в совершенствовании // Российская юстиция. – М.: Юрист, 2010. – № 10. – С. 45–50.
4. *Кривоносов А. Н., Трегубова Е. В.* К вопросу о совершенствовании реализации административных запретов в системе государственной службы // Административное и муниципальное право. – 2010. – № 12. – С. 24–29.
5. *Павлов И. Ю.* Проблемные вопросы понимания служебной тайны // Информационное право. – 2010. – № 3. – С. 6–9.
6. *Фатьянов А. А.* Правовое обеспечение безопасности информации в РФ. – М.: Юрист, 2001. – 412 с.

УДК 343.37

Л. И. Демьяненко

ст. преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Института права, экономики и управления информацией МГЛУ; e-mail: 1094145@rambler.ru

**УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
НЕЗАКОННОГО ПОЛУЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЦЕЛЕВОГО КРЕДИТА И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЕГО
НЕ ПО ПРЯМОМУ НАЗНАЧЕНИЮ**

В публикации дан подробный анализ состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 176 УК РФ (незаконное получение государственного целевого кредита и использование его не по прямому назначению). Автором отражены пробелы действующего национального законодательства, направленного на защиту государственного целевого кредита, и внесены предложения по его совершенствованию

Ключевые слова: незаконное получение кредита; крупный ущерб; субъект незаконного получения кредита.

Demjanenko L. I.

Senior Lecturer, Department of Criminal Law Disciplines, Institute of Law, Economics and Information Management, MSLU

**CRIMINAL LAW ANALYSIS OF ILLEGAL RECEIPT OF STATE
SPECIAL-PURPOSE CREDIT AND ITS INDIRECT USE**

The article presents a detailed analysis of a crime (*corpus delicti*), set by p. art. 176 of the Criminal code of the Russian Federation (illegal receipt of state special-purpose credit and its indirect use). The author considers gaps of current national legislation, aimed at protection of state special-purpose credits, and makes suggestions for its improvement.

Key words: Illegal receipt of credit; great damage; subject of illegal receipt of credit.

В современных условиях хозяйствования кредитные институты являются важнейшим инфраструктурным элементом, способствующим укреплению и всестороннему развитию рыночной экономики. Незаконное получение государственного целевого кредита и использование его не по целевому назначению представляет особую общественную опасность, поскольку из хозяйственного оборота

изымаются денежные средства, которые должны быть направлены на общеполезные государственные потребности.

Актуальность темы обусловлена сложившейся криминогенной ситуацией в сфере незаконного получения и нецелевого использования государственного кредита, а также затруднениями, которые возникают в следственной и судебной практике при правовой оценке и квалификации незаконных действий заемщиков.

Статья 176 УК РФ «Незаконное получение кредита» обеспечивает защиту финансово-кредитной системы в целом и состоит из двух частей. Анализу подвергается исключительно ч. 2 ст. 176 УК РФ, которая обеспечивает защиту государственного целевого кредита и предусматривает ответственность за его незаконное получение и использование не по прямому назначению [1].

Основным объектом посягательства этого преступного деяния являются общественные отношения, обеспечивающие правильное функционирование бюджетно-кредитной системы, в состав которой входят: бюджетные кредиты, кредитные организации, предприятия, государственные и иные уполномоченные органы, распределяющие кредитные ресурсы, заемщики (организации и индивидуальные предприниматели, граждане). Дополнительным объектом преступного состава выступают отношения собственности.

Состав преступления, установленный ч. 2 ст. 176 УК РФ, отличается от состава, предусмотренного ч. 1 ст. 176 УК, по непосредственному объекту и предмету преступления, по объективной стороне и по субъекту.

Непосредственный объект посягательства преступного состава, предусмотренного ч. 2 ст. 176 УК РФ, сложный. Относительно его содержания ученые высказывают различные точки зрения. А. Н. Гуев под объектом данного преступления понимает порядок получения государственных кредитов, а также характер их использования [10].

По мнению И. К. Волкова, объектом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 176 УК РФ, являются отношения, связанные с таким получением денежных средств, которое удовлетворяет признакам платности, срочности, возвратности, носит целевой характер и выделяется из государственных средств [8].

Автор разделяет мнение, что объектом состава незаконного получения государственного целевого кредита и использования его не по прямому назначению (ч. 2 ст. 176 УК РФ) являются законные

интересы Российской Федерации, на которые посягает заемщик своим преступным деянием и которые охраняются уголовным законом. Важное значение для уяснения и понимания сущности объекта рассматриваемого преступления, а также его конкретизации имеет предмет посягательства. Традиционно считается, что предмет преступления – это элемент объекта преступления, воздействуя на который виновное лицо причиняет вред общественным отношениям.

Предметом преступления, установленного ч. 2 ст. 176 УК РФ, выступает государственный целевой кредит. Под ним понимают ссуду в денежной или иной материальной форме (например, в натуральной), выдаваемую уполномоченными кредитными учреждениями на реализацию конкретных программ. Кредит может быть предоставлен в виде денежных средств и вещей, определенных родовыми признаками, предоставляемых на возвратной основе от имени государства в публично-правовом порядке, установленном бюджетным или иным законодательством РФ.

В отличие от других видов кредита у государственного кредита есть два обязательных признака: а) кредитором государственного целевого кредита является государство, которое размещает свои средства для выполнения различных инвестиционных программ; б) государственный кредит имеет строго целевое назначение.

К сожалению, термин «государственный целевой кредит» не получил своего легального толкования, а понятие «государственного целевого кредита» нормативно нигде не раскрывается. Термин «государственный целевой кредит» нормативно употребляется только в письме Минфина России от 03 июля 1992 г. №2 – 9 «О предоставлении кредитных ресурсов для нормализации платежей в народном хозяйстве».

Относительно понятия «государственный целевой кредит» высказываются разные точки зрения. По мнению В. Д. Ларичева, государственный целевой кредит – это кредит, который выдает государство субъектам Российской Федерации, отраслям хозяйственного комплекса, организациям и гражданам для реализации определенных экономических программ (конверсионных, инвестиционных) на поддержку отдельных регионов (северных районов), отраслей хозяйства (сельского, угольной промышленности), отдельных предприятий, для создания рабочих мест, для жилищного строительства и т. п. [14].

По мнению А. Н. Гуева, государственным считается кредит, который предоставляется за счет бюджетных или внебюджетных средств как самой Российской Федерации, так и ее субъектов. Кредиты, в том числе и целевые, предоставляемые муниципальными органами местного самоуправления, к государственным целевым кредитам не относятся. В этом случае ответственность должна наступать по ч. 1 ст. 176 УК РФ [10].

Федеральный бюджет, утверждаемый ежегодно Государственной Думой Российской Федерации, включает финансовую помощь отдельным регионам страны или отдельным отраслям экономики. В этой связи вполне обоснованно можно говорить о том, что государственный кредит – это кредит, который выдает государство субъектам Российской Федерации, отраслям хозяйственного комплекса, организациям и гражданам для реализации определенных социально-экономических программ (конверсионных, инвестиционных и т. п.), на поддержку отдельных регионов, отраслей хозяйства, отдельных предприятий и новых форм хозяйствования. Источником государственного кредитования могут являться также государственные внебюджетные фонды, средства которых являются также государственной собственностью, и целевые фонды Правительства РФ.

Бюджетные ссуды, дотации, субвенции и субсидии под предмет ч. 2 ст. 176 УК РФ не подпадают. Их незаконное получение или нецелевое расходование влечет ответственность по следующим статьям УК РФ: 201 – «Злоупотребление полномочиями», 285 – «Злоупотребление должностными полномочиями» и 285.1 – «Нецелевое расходование бюджетных средств».

Целевой государственный кредит выдается на основании письменного разрешения руководства Министерства финансов РФ или руководителя соответствующего финансового органа под гарантию, обеспечиваемую залогом товаров, находящихся в обороте или в переработке на предприятии. Целевое назначение кредита определяется в Федеральных законах о федеральном бюджете на соответствующий год, нормативно-правовых актах и решениях Правительства РФ о предоставлении данного кредита. Если государственные целевые кредиты предоставляются на льготных условиях (беспроцентные или по заниженной ставке), об этом указывается в соответствующих правовых документах.

Так, например, Федеральным законом от 30 ноября 2011 г. № 371-ФЗ «О федеральном бюджете на 2012 год и на плановый период 2013 и 2014 годов» установлено, что «плата за пользование кредитами взимается: а) для частичного покрытия дефицитов бюджетов субъектов РФ, покрытия временных кассовых разрывов, возникающих при исполнении бюджетов субъектов РФ, на реализацию комплексных программ поддержки развития дошкольных образовательных учреждений в субъектах РФ – в размере одной второй ставки рефинансирования Центрального банка РФ, действующей на день заключения соглашения о предоставлении бюджетного кредита; б) для осуществления мероприятий, связанных с ликвидацией последствий стихийных бедствий и техногенных аварий, – государственный целевой кредит выдается по ставке 0 процентов».

Понятие «государственный кредит», употребляемое в диспозиции ч. 2 ст. 176 УК РФ, нельзя отождествлять с понятием, которое обычно рассматривается в экономической и юридической литературе как «государственный кредит», под которым понимается система кредитных отношений и в которой государство выступает заемщиком, а население и частный бизнес – кредиторами (используются, например, облигации государственного займа и т. д.).

Следует также учитывать, что средства федерального бюджета (или бюджета вообще) на «доходных» или «расходных» счетах и их правовой режим, виды и формы расходов регулируются бюджетным законодательством, в том числе и действующей на момент составления и исполнения бюджета бюджетной классификацией Российской Федерации.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 176 УК РФ, предполагает: а) действие – незаконное получение государственного целевого кредита или использование его не по прямому назначению; б) последствие – причинение крупного ущерба гражданам, организациям или государству; в) причинную связь.

Диспозиция ч. 2 ст. 176 УК РФ предусматривает два вида преступных действий: незаконное получение государственного целевого кредита и использование (законно или незаконно полученного) государственного целевого кредита не по прямому назначению.

Незаконное получение государственного целевого кредита – это получение кредита заемщиком с нарушением установленных нормативных правил, определяющих основания для его получения.

Получение кредита признается незаконным, если лицо не имело права на его получение, но получило путем представления государственному кредитору заведомо ложных сведений о финансовом состоянии или нарушило установленный порядок получения такого кредита.

Способ совершения для данного состава преступления не является обязательным признаком. Незаконность получения государственного целевого кредита предполагает любые противоправные способы для приобретения возможности получения и распоряжения кредитными средствами в своих интересах. Сам факт получения целевого кредита лицом, не имевшим права на его получение в соответствии с законодательством, всегда будет незаконным.

Относительно определения объективных свойств преступного деяния ученые высказывают различные мнения. Так, П. А. Кобзев определяет незаконное получение государственного целевого кредита как любые противоправные способы, направленные на приобретение кредитных средств, в частности в случае противоправного изменения лицом своего материального положения и социально-правового статуса. Например, лицо присваивает должностные полномочия, дающие право получения государственного целевого кредита либо существенно ухудшает свое финансовое состояние с целью получения кредита [12].

Представляется более обоснованной точка зрения И. Я. Козаченко и Я. С. Васильевой о том, что «под незаконным получением кредита следует понимать предоставление финансовому органу, дающему разрешение на получение государственного целевого кредита, заведомо ложных сведений, содержащихся в документах, необходимых для получения такого кредита. Данные сведения должны влиять на волю кредитора в процессе принятия им решения о кредитовании. Заведомая ложность этих сведений состоит в том, что в них осознанно не внесены верные или отражены неполные данные фактического характера, искажающие смысл и содержание информации в них, или сделаны оценки, осознанно основанные на неверной информации. Незаконным будет получение государственного целевого кредита, когда нарушаются правила, определяющие материально-правовые основания получения такого кредита, а также когда государственные органы, решающие вопрос о предоставлении кредита, вводятся в заблуждение относительно оснований для такого решения» [13, с. 38].

Нарушение процедурных правил получения кредита не образует признака незаконности, необходимый для уголовной ответственности по ч. 2 ст. 176 УК РФ. Если лицо использовало подделанный им самим официальный документ для незаконного получения кредита, то его действия необходимо квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 327 УК РФ (или ст. 292 УК РФ) и соответствующей частью ст. 176 УК РФ. Именно такая модель квалификации предложена Верховным Судом РФ в п. 6 Постановления Пленума ВС РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» применительно к совокупности преступлений, предусмотренных ст. 327 и ст. 159 УК РФ.

Вторая форма преступного деяния – использование государственного целевого кредита не по прямому назначению – представляет собой распоряжение полученными средствами в целях, противоречащих тем, которые имелись в виду при выдаче кредита, т. е. когда заемщик обращает кредитные суммы на нужды, не указанные в кредитном договоре. Объективная сторона преступления заключается в использовании целевого кредита не по прямому назначению, в результате чего причиняется крупный ущерб гражданам, организациям или государству.

Согласно п. 4 письма Минфина РФ от 16 апреля 1996 г. № 3-А2-02 «О нецелевом использовании средств, выделенных из федерального бюджета», «под использованием кредита не по прямому назначению понимается такое его использование, которое не приводит к результатам, предусмотренным при их предоставлении, или приводит к этим результатам, но сопровождается неправовыми действиями или событиями, неправомерность которых закрепляется в правовых актах, в заключаемых договорах или в решениях полномочных органов, определяющих целевой характер выделяемых средств».

Например, деньги, выданные на строительство жилья, используются заемщиком на расширение производства, на выдачу заработной платы, на погашение кредитов, на уплату налогов и помещаются на депозитные счета в коммерческие банки, передаются в уставный капитал и т. п. Оправданием использования государственного целевого кредита не по прямому назначению может служить только состояние крайней необходимости (ст. 39 УК).

Использование кредитных средств не по прямому назначению порой происходит в результате злоупотреблений или прямой корыстной заинтересованности должностных лиц (чаще всего региональных органов управления), которые, распределяя централизованные льготные кредиты, раздают их не тем, кому они адресованы, а за взятки нужным людям, иногда своим замаскированным коммерческим структурам. Так, например, Главным ревизионным управлением ГУП «Агентство по управлению денежно-кредитными ресурсами по завозу грузов в районы Крайнего Севера при Правительстве Республики Саха (Якутия)» установлено, что администрациям улусов и предприятиям различных форм собственности предоставлено федеральных целевых кредитов в размере 4,5 млрд руб. для завоза грузов. Многие кредиты выдавались якобы для завоза грузов, но исчезали в неизвестном направлении.

По мнению С. А. Рачкова, под нецелевым использованием государственного кредита следует понимать определенные действия, направленные на несвоевременный возврат бюджетных средств, которые были предоставлены предприятию на возмездной основе, а также просрочку уплаты процентов за их использование. К таким действиям следует относить: внесение средств на депозит и получение процентов по нему, приобретение недвижимости и иных материальных ценностей, не имеющих отношения к целям программы, совершение иных нецелевых платежей [15].

Ю. Н. Демидов определяет использование государственного кредита не по прямому назначению как «использование кредита, в том числе временное, в любых иных целях, кроме тех, для достижения которых он выдан. Единственным возможным оправданием использования государственного целевого кредита не по прямому назначению является ситуация крайней необходимости, в которой оказался заемщик» [11, с. 42–43].

Приведенные мнения позволяют сделать вывод, что незаконное использование государственного целевого кредита представляет собой действия, направленные на использование кредитных средств в противоречии с условиями получения, сформулированными в решении о предоставлении данного кредита, а также промежуточное использование предоставленных средств для извлечения прибыли, если эти действия не образуют состава преступления против собственности или общего должностного преступления.

В любом случае виновный использует полученные кредитные средства с нарушением условий целевого кредита, которые были заявлены государством в качестве обязательных для исполнения заемщиком.

К примеру, в течение пяти лет для формирования продовольственного фонда Н-ской области акционерному обществу выделено 3,8 млрд рублей, однако руководство акционерного общества использовало эти средства на строительство подъездных путей.

Заемщик не имеет права использовать полученные кредитные средства на цели, не указанные в договоре кредитования, а кредитор вправе контролировать заемщика по целевому использованию кредит.

Состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 176 УК РФ, материальный. Уголовная ответственность за незаконное получение государственного целевого кредита, а равно за его использование не по прямому назначению наступает, если эти деяния причинили крупный ущерб государственным или общественным интересам. Закон перечисляет потерпевших по преступному составу, предусмотренному ч. 2 ст. 176 УК РФ: граждане, организации или государство.

Изначально с введением в действие ч. 2 ст. 176 УК РФ законодатель не определил понятие «крупный ущерб», оставляя решение этого вопроса на усмотрение судьи. По этой причине в специальной или научной литературе встречались различные точки зрения на вопрос, какой ущерб следует считать крупным. Предлагалось вообще исключить понятие «крупный ущерб» из ст. 176 УК РФ, так как доказать на практике его причинение кредитором не представлялось возможным в связи с отсутствием четких критериев оценки ущерба.

В 2003 г. понятие крупного ущерба определено в «примечании» к статье 169 УК РФ. Федеральным законом от 07 апреля 2010 г. № 60-ФЗ в «примечание» внесены изменения, согласно которым, «крупным размером признается стоимость, ущерб, доход либо задолженность в сумме, превышающей 1500000 руб.».

То обстоятельство, что размер крупного ущерба не определен непосредственно в диспозиции статьи ч. 2 ст. 176 УК РФ, создает проблемы на практике. Денежное выражение крупного ущерба нельзя определять по аналогии, поскольку это противоречит требованиям ч. 2 ст. 3 УК. Кроме того, крупный ущерб может иметь не только денежное выражение. Исходя из смысла ст. 176 УК, он может также

выражаться в нарушении нормальной работы организаций, оказывающих услуги населению; в причинении ущерба льготникам в случае, если льготы предоставлены лицам, которые не имеют на это право; в причинении существенного вреда гражданам (например, медицинское предприятие использует целевой кредит не для закупки необходимых инвалидам лекарств, а для приобретения легковых автомобилей). Если определенный законодателем ущерб не наступает, действия заемщика могут образовывать признаки административного правонарушения, предусмотренного ст. 14.11 КоАП РФ.

Между действиями (обеими формами) и крупным ущербом должна устанавливаться причинная связь. В формулировке диспозиции ч. 2 ст. 176 УК РФ вид причинной связи определяется через причинение крупного ущерба, порожденного противоправными действиями виновного лица, нарушающими публично-правовой порядок предоставления и использования государственных целевых кредитов.

В случае, если получатель бюджетного кредита отказывается оплатить и возратить полученный на возвратной основе государственный кредит, деяния его должны квалифицироваться как злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности в крупном размере (ст. 177 УК РФ).

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 176 УК РФ, характеризуется виной в виде прямого или косвенного умысла. Лицо осознает незаконный характер получения или использования государственного целевого кредита, предвидит возможность или неизбежность причинения крупного ущерба гражданам, организациям или государству и желает этого либо сознательно допускает эти последствия, или относится к ним безразлично. Мотивы и цели обязательными признаками преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 176 УК РФ, не являются. Они могут быть любыми и учитываются при назначении наказания.

Умысел лица направлен на временное получение кредита с намерением в последующем возратить взятые денежные средства. Если часть средств государственного целевого кредита присваивается виновным, содеянное должно квалифицироваться как хищение. Цель присвоения целевого государственного кредита, если она возникла до его получения, дает основания для применения ст. 159.1 УК РФ (мошенничество в сфере кредитования). Действия должностных

уполномоченных лиц, заключающиеся в безответственном выделении кредитов при отсутствии корыстной цели, но при наличии ущерба, должны квалифицироваться по ст. 293 УК РФ как халатность.

Анализ правоприменительной деятельности свидетельствует о том, что ч. 2 ст. 176 УК РФ недостаточно эффективна и на практике работает слабо. За истекшие 10 лет по материалам Счетной палаты возбуждено всего 8 уголовных дел, большинство из которых прекращены в ходе следствия. Значительные сложности при квалификации содеянного возникают в связи с тем, что в нормативно-правовых актах нет конкретных описаний форм нецелевого расходования средств бюджета. В каждом конкретном деле следственные органы и судебные инстанции анализируют финансовые операции, произведенные бюджетополучателем, на предмет их соответствия целям, на которые данные средства были выделены.

В связи с отсутствием единого подхода к оценке критериев преступного деяния уголовные дела нередко прекращаются с вынесением оправдательных приговоров. Согласно сведениям Судебного департамента при Верховном Суде РФ о числе осужденных по статье, в 2011 г. в целом по России по признакам ч. 2 ст. 176 УК РФ (по основной статье) осуждено всего 3 лица, приговоры в отношении которых вступили в законную силу.

Сложности при оценке содеянного при рассмотрении уголовных дел по признакам ч. 2 ст. 176 УК РФ объясняются: наличием законодательных пробелов и отсутствием официального толкования бланкетных и оценочных признаков составов преступления, предусматривающего ответственность за незаконное получение кредита и использование его не по прямому назначению; отсутствием в научной литературе единообразного толкования признаков анализируемой уголовно-правовой нормы; наличием неоднозначно разрешаемых на практике и в теории вопросов квалификации преступного состава, предусмотренного ч. 2 ст. 176 УК РФ.

Например, в Оренбургской области был возбужден ряд дел в отношении физических лиц, которые по подложным документам получили целевой государственный кредит на строительство жилья, но использовали его не по прямому назначению. Уголовные дела направлены в суд, откуда были возвращены на дополнительное расследование со ссылкой, что «обвиняемые физические лица не являются субъектами ч. 2 ст. 176 УК РФ».

Органами предварительного следствия частный предприниматель Г. Г. Валикова обвинялась в том, что кредитные средства, выделенные на пополнение молодняка и строительство миникормоцеха, она использовала с отступлением от бизнес-плана. Приговором Н-ского районного суда Н-ской области от 5 мая 2011 г., вступившим в законную силу, в отношении Г. Г. Валиковой вынесен оправдательный приговор с признанием ее права на реабилитацию. Суд согласился с выводами следствия о том, что кредитные средства действительно использованы с отступлением от бизнес-плана, однако оправдал Г. Г. Валикову на том основании, что средства использованы на нужды сельского хозяйства.

В связи с несовершенством анализируемого преступного состава и отсутствием надлежащей судебной практики по ее применению М. Гареев высказал мнение, что «привлечение к уголовной ответственности за использование государственного целевого кредита не по прямому назначению является криминологически необоснованным и преступный состав целесообразно “декриминализовать”» [9].

В мировой практике аналоги норм, предусмотренных ч. 2 ст. 176 УК РФ, за исключением законодательства стран СНГ, встречаются редко. При разработке уголовного законодательства, обеспечивающего защиту кредитных отношений, Россия и страны СНГ руководствовались Модельным Уголовным кодексом государств – участников Содружества Независимых Государств. Однако, статьи Модельного кодекса (259 – «Незаконное получение кредита» и 260 – «Уклонение от погашения кредиторской задолженности») носят рекомендательный характер и «государственный целевой кредит» как объект преступного посягательства не выделяют [2].

Россия и многие другие государства для составов преступлений, объектом посягательства которых является государственный целевой кредит, избрали собственную трактовку. Так, например, Уголовные кодексы Республик Казахстан и Туркменистан, содержат нормы, аналогичные статье ч. 2 ст. 176 УК РФ [5; 7].

В Уголовном кодексе Республики Кыргызстан предусмотрены две отдельные нормы за незаконное получение и нецелевое использование государственного целевого кредита. При этом ответственность за незаконное получение государственного целевого кредита установлена ч. 2 ст. 184 УК КР (частичная аналогия с российским

законодательством). Ответственность же за нецелевое использование государственного кредита предусмотрена отдельной ст. 185 (с указанием квалифицирующих признаков) следующего содержания: «Нецелевое использование государственного кредита – наказывается... То же деяние, совершенное группой лиц по предварительному сговору, наказывается...» [6].

Уголовным кодексом Республики Таджикистан, наряду с ответственностью за незаконное получение государственного целевого кредита, а равно использование его не по прямому назначению (ст. 264), установлена ответственность (ст. 265) и за незаконную выдачу кредитов: «Незаконная выдача любого кредита или способствование этому лицом, которое должно было или могло совершить эти действия с использованием своего служебного положения, – наказывается...» [4].

Законодатель Украины в 2010 г. внес существенные изменения в статьи 210 – 211 УК Украины, предусмотрев уголовную ответственность за нецелевое использование бюджетных средств, за выдачу средств бюджета или кредита без имеющихся на то законных оснований или с их превышением, а также за издание нормативно-правовых актов, которые сокращают доходную часть бюджета или же увеличивают расходы вопреки требованиям закона.

Статья 210. Нарушение законодательства о бюджетной системе Украины: «Использование служебным лицом бюджетных средств вопреки их целевому назначению или в объемах, которые превышают утвержденные границы расходов, а также несоблюдение требований относительно пропорционального сокращения расходов бюджета или пропорционального финансирования расходов бюджетов всех уровней, как это установлено действующим бюджетным законодательством, если предметом этих действий были бюджетные средства в больших размерах, – наказывается... Те самые действия, предметом которых были бюджетные средства в особенно больших размерах или содеянные повторно, или за предыдущим заговором группой лиц, – наказывается...»

Примечание. 1. К бюджетным средствам принадлежат средства, которые включаются в бюджеты всех уровней независимо от источника их формирования. 2. Большим размером бюджетных средств согласно ст. 210, 211 этого Кодекса считается сумма, которая в тысячу и больше раз превышает необлагаемый минимум доходов граждан. 3. Особенно

большим размером бюджетных средств согласно ст. 210, 211 этого Кодекса считается сумма, которая в три тысячи и больше раз превышает необлагаемый минимум доходов граждан».

Особого внимания заслуживает УК Украины, ст. 211 которого предусматривает ответственность за издание нормативно-правовых или распорядительных актов, которые изменяют доходы и расходы бюджета вопреки установленному законом порядку: «Издание служебным лицом нормативно-правовых или распорядительных актов, которые изменяют доходы и расходы бюджета вопреки установленному законом порядку, если предметом таких действий были бюджетные средства в больших размерах, – наказывается... Те самые действия, предметом которых были бюджетные средства в особенно больших размерах или содеянные повторно, – наказывается... [3].

Проведенный анализ уголовного законодательства позволяет признать, что нормы УК РФ, обеспечивающие защиту сферы государственного кредитования, требуют совершенства.

В целях усиления борьбы с мошенническими проявлениями в сфере экономики по аналогии с уголовным законодательством зарубежных государств (Литвы, Голландии и др.) Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. №207-ФЗ криминализованы 6 конкретных видов мошенничества. Уголовный кодекс РФ дополнен соответствующими статьями, в том числе ст. 159.1 (мошенничество в сфере кредитования). Следственная и судебная практика по данной статье еще не сложилась.

Заслуживает внимания мнение И. К. Волкова, который предлагает выделить в отдельный состав незаконное получение и использование государственного целевого кредита в особо крупном размере [8].

Автор публикации считает целесообразным выделить ч. 2 из ст. 176 УК РФ и сформировать три отдельных преступных состава по признакам незаконного выделения, получения и использования государственного целевого кредита, дополнив УК РФ статьями:

- ст. 176.1 – Незаконная выдача государственного целевого кредита);
- ст. 176.2 – Незаконное получение государственного целевого кредита);
- ст. 176.3 – Использование государственного целевого кредита не по прямому назначению).

Кроме того, в диспозиции каждой статьи целесообразно предусмотреть квалифицирующие признаки: совершение преступления по предварительному сговору группой лиц и повлекшее ущерб в особо крупном размере с установлением более строгих мер наказания.

Верховному суду РФ необходимо обобщить судебную практику рассмотрения уголовных дел, предусмотренных ч. 2 статьи 176 УК РФ, в том числе и по совокупности с другими преступлениями, и на базе полученных сведений дать разъяснение используемым терминам «государственный целевой кредит», «крупный и особо крупный ущерб», а также раскрыть содержание понятия «состояние крайней необходимости в случае нецелевого использования государственно-кредита».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: base.garant.ru/10108000.
2. Модельный Уголовный кодекс для государств – участников СНГ, 1996 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: cimplravo.ru/blog/2116.html.
3. Уголовный кодекс Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: meget.kiev.ua/kodeks.
4. Уголовный кодекс Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ugolovnykodeks.ru/2011/11/ugolov.
5. Уголовный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: pavlodar.com/zakon?dok=00087&ogl.
6. Уголовный кодекс Республики Кыргызстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ugolovnykodeks.ru/2011/11/ugolov.
7. Уголовный кодекс Республики Туркменистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ugolovnykodeks.ru/category.
8. Волков И. К. Незаконное получение кредита: Уголовно-правовая и криминологическая характеристика – Ростов н/Д: РГЭУ, 2007. – 223 с.
9. Гареев М. Нецелевое использование кредита: не всё так просто // Эж-ЮРИСТ. – 2012. – № 38 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Система КонсультантПлюс.
10. Гувев А. Н. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации для предпринимателей – Система ГАРАНТ, 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Система ГАРАНТ.
11. Демидов Ю. Н. Основы борьбы с преступностью в социально-бюджетной сфере: криминологические и уголовно-правовые аспекты: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. – М., 2002. – 59 с.

12. *Кобзев П. А.* Квалификация преступлений, совершаемых в сфере финансово-кредитной деятельности путем обмана и (или) злоупотребления доверием: дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2001. – 200 с.
13. *Козаченко И. Я., Васильева Я. С.* Незаконное получение кредита // Российская юстиция. – 1999. – № 11 – С. 38–39.
14. *Ларичев В. Д.* Преступления в кредитно-денежной сфере и противодействие им: учебно-практическое пособие; под науч. ред. П. Г. Пономарева. – М.: Инфра-М, 1996. – 240 с.
15. *Рачков С. А.* Преступления в сфере кредитных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-н/Д, 2002. – 30 с.

УДК 343.01

М. Ю. Ковяров

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и конституционного права Института права, экономики и управления информацией МГЛУ; e-mail: regsbox@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ

В силу особой значимости норм, составляющих основы конституционного строя, очевидна необходимость их разносторонней защиты. В настоящей статье основы конституционного строя Российской Федерации рассматриваются в системе объектов уголовно-правовой охраны, а также с позиции того, что они определяют не только перечень и иерархию социальных ценностей, подлежащих уголовно-правовой защите, но и границы применения уголовной репрессии.

Ключевые слова: охрана основ конституционного строя в уголовном праве; уголовное законодательство РФ; уголовное законодательство ФРГ; преступления против основ конституционного строя и безопасности государства.

Kovyarov M. U.

Ph.D (Law), Assistant Professor, Department of International and Constitutional Law, Institute of Law, Economics and Information Management, MSLU

SOME ASPECTS OF CRIMINAL LAW PROTECTION OF THE CONSTITUTIONAL ORDER

Because of the special importance of rules constituting the foundations of the constitutional system, the need of their versatile protection. In this paper, the foundations of the constitutional system of the Russian Federation in the system are considered objects of criminal law protection, as well as from the perspective of what they define not only a list of the hierarchy of social values, subject to the protection of the criminal law, but also the application limits of criminal repression.

Key words: protection of the constitutional order in criminal law; criminal legislation of the Russian Federation; German criminal law; crimes against the constitutional order and security of the state.

Нормы гл. 1 Конституции РФ (далее – Конституция), определяющие основы конституционного строя, закрепляют важнейшие принципы, относящиеся к правовому статусу личности, к организации

государственной власти и к другим важнейшим сторонам общественной жизни. Среди них: установление демократического федеративного правового государства и республиканской формы правления (ст. 1); признание человека, его прав и свобод высшей ценностью (ст. 2), а народа – носителем суверенитета и единственным источником власти (ст. 3); суверенитет государства (ст. 4) и его федеративное устройство (ст. 5); правовое закрепление российского гражданства (ст. 6); социальная сущность государства (ст. 7); защита всех форм собственности (ст. 8); охрана земель и других природных ресурсов (ст. 9); разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную (ст. 10) с закреплением носителей государственной власти в центре и в субъектах Российской Федерации (ст. 11); признание и обеспечение гарантий местного самоуправления (ст. 12), идеологического многообразия (ст. 13); светский характер государства (ст. 14); придание Конституции высшей юридической силы и закрепление приоритета международного договора над внутренним законодательством (ст. 15); декларирование приоритета основ конституционного строя перед другими конституционными положениями (ст. 16).

В силу особой значимости данных положений очевидна необходимость разносторонней защиты основ конституционного строя. Такая защита должна обеспечиваться не только нормами собственно конституционного права, но и другими нормами материального права – гражданского, административного и, в особенности, уголовного.

Значимость норм гл. 1 Конституции подчеркивается невозможностью внесения в нее поправок. Изменение основ конституционного строя возможно путем принятия новой Конституции. Конституционное право содержит относительно большое количество норм-задач, норм-принципов, норм-деклараций. Характерно, что гл. 1 Конституции полностью состоит из таких норм. Это является свидетельством той большой роли, которую играет эта отрасль права в национальной правовой системе. Нормы других отраслей права лишь позволяют «раскрыть» конституционные принципы, детализировать их содержание и применение к отдельным видам отношений, а также устанавливают ответственность за деяния, их нарушающие. В последнем случае уголовному праву принадлежит исключительная роль.

Как известно, нормы уголовного права устанавливают меру ответственности за наиболее тяжкие нарушения правопорядка. В системе объектов уголовно-правовой охраны основы конституционного строя занимают ведущее место, они представляют собой совокупность норм, нарушение которых представляет наибольшую опасность для общества. Именно поэтому уголовное право любого государства уделяет первостепенное внимание защите таких норм. В конечном счете оценка качества уголовного законодательства невозможна без ответа на вопрос о том, насколько полно и эффективно его нормы защищают основы конституционного строя.

Критерием такой оценки, прежде всего, является надлежащая защита прав и свобод человека и гражданина, поскольку именно права и свободы провозглашены высшей ценностью (ст. 2 Конституции). Среди всех социальных благ права и свободы поставлены выше всех остальных конституционных основ. Согласно ст. 18 Конституции они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

Это относится и к уголовно-правовым нормам, которые должны устанавливать надлежащий уровень защиты прав и свобод и ни в коем случае не допускать их умаления по каким-либо обстоятельствам.

Особое значение прав и свобод подтверждено в ст. 56 Конституции, которая запрещает вводить какие-либо ограничения на реализацию обширного перечня прав даже в случае чрезвычайного положения, т. е. даже тогда, когда под угрозу поставлено само существование государства. Речь идет о таких ценностях, как право на жизнь, на достоинство личности, на неприкосновенность частной жизни, на личную и семейную тайну, на защиту чести и доброго имени, на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия, на свободу совести, вероисповедания. К ним относятся право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, право на жилище, на ряд других прав, связанных с осуществлением судебной защиты, уголовным судопроизводством, недопустимостью введения принудительного труда.

Эти и другие конституционные положения вполне определенно говорят об иерархии социальных благ. Такая иерархия ценностей,

по сути, должна соблюдаться и в других отраслях права, в частности в уголовном законодательстве. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК), следуя конституционным положениям о примате прав и свобод, своими задачами провозгласил охрану прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений.

Использование мер уголовной ответственности оправдано также необходимостью обеспечения указанных в ч. 3 ст. 55 Конституции целей защиты основ конституционного строя России, нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан России и других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Такая точка зрения неоднократно подтверждалась Конституционным Судом Российской Федерации [1]. Таким образом, конституционные нормы вообще и прежде всего нормы, составляющие основы конституционного строя, определяют не только перечень и иерархию социальных ценностей, подлежащих уголовно-правовой защите, но и границы применения уголовной репрессии.

Поскольку основы конституционного строя охватывают ценности, относящиеся к различным сферам жизнедеятельности, невозможно в рамках УК создать раздел или главу, которая была бы посвящена исключительно охране этого института. Более того, отдельные социальные блага, входящие в рассматриваемый конституционно-правовой институт, сами являются настолько масштабными по количеству вариантов их проявления в общественных отношениях, что их охрана невозможна в рамках только одной главы и даже раздела УК. Ярким примером этого является институт прав и свобод человека и гражданина. В рамках позитивистской классификации их подразделяют на личные, политические и социально-экономические. В группе личных прав основополагающим является право на жизнь, которое охраняется не только нормами гл. 16 УК («Преступления против жизни и здоровья»). Несколько составов преступлений, расположенных в других главах, предусматривают ответственность за посягательства на жизнь лиц в связи с осуществлением ими определенных функций (судьи, государственного и общественного деятеля, сотрудника правоохранительного органа).

В преступлении, посягающем на жизнь человека, жизнь может и не признаваться видовым объектом. Например, в числе преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства УК предусматривает ответственность за посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277). В качестве видового объекта, определяющего квалификацию данного деяния, признается не жизнь вообще, а жизнь «особого» человека – деятеля, выполняющего властные функции, или представителя общественного объединения. Речь здесь не идет о неравнозначности жизни разных людей. Жизнь любого человека является высшей ценностью и одинаково охраняется уголовным законом. Жизнь государственного деятеля, в частности, определяет ее государственный, а значит, и общественный интерес. Поэтому вполне социально обоснованным является признание посягательства на жизнь государственного деятеля более общественно опасным, чем «простого» убийства [2]. Кроме того, существует масса других составов преступлений, где жизнь человека является дополнительным объектом.

Право собственности как одно из основных в группе социально-экономических прав также защищается не только нормами гл. 21 УК («Преступления против собственности»), но и нормами других глав, в которых собственность рассматривается в качестве основного или дополнительного объекта посягательства.

Однако анализ гл. 29 УК («Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства») показывает, что в ней сильно ограничено содержание основ конституционного строя по сравнению с Конституцией. В ней описаны составы преступлений, которые посягают, главным образом, на основы государственной власти: государственная измена (ст. 275); шпионаж (ст. 276); посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277); насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст. 278); вооруженный мятеж (ст. 279); публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280); диверсия (ст. 281); разглашение государственной тайны (ст. 283); утрата документов, содержащих государственную тайну (ст. 284). Видимо, на структуру главы 29 УК повлияло расположение этой главы в разделе X «Преступления против государственной власти». Такое наименование неоднократно подвергалось критике в специальной литературе [3, с. 79–97].

В этом отношении интересен опыт ФРГ, где в п. 2 § 92 Уголовного кодекса разъясняется понятие конституционных основ, под которыми понимается:

- «1. право народа осуществлять государственную власть в выборах и голосованиях и через особые органы законодательной, исполнительной власти и правосудия и избирать народное представительство путем общих, прямых, свободных, равных и тайных выборов;
2. связь законодательства с конституционным строем и связь исполнительной власти и правосудия с законом и правом;
3. право на создание и осуществление деятельности парламентской оппозиции;
4. сменяемость правительства и его ответственность перед народным представительством;
5. независимость судов;
6. недопущение применения любого насилия и произвола» [4].

В специальных исследованиях утверждается, что в Российской Федерации и в ФРГ сложился в целом единый подход к нормативно-правовому закреплению структуры и содержания основ конституционного строя этих государств, практической деятельности по демократизации жизни общества, совершенствованию федеративных отношений, утверждению принципов правового государства, сохранения и развития республиканской формы правления в РФ и в ФРГ [5, с. 12]. Здесь следует отметить, что Основной закон ФРГ не содержит специальной структурной единицы, озаглавленной как «Основы конституционного строя» или аналогичным образом. Содержание этого понятия раскрывается в доктрине. Поэтому в отсутствие четко обозначенного определения конституционных основ в самом Основном законе, решение германского законодателя включить его в Уголовный кодекс для использования в целях привлечения виновных к уголовной ответственности представляется вполне обоснованным. В России это понятие раскрыто в самой Конституции.

Вопрос о понятийной базе уголовного права во взаимосвязи с терминологией других отраслей права является одним из актуальнейших. Он, разумеется, не сводится только к проблемам бланкетных норм. Использование в уголовном праве терминов других отраслей права с собственным, отличным от них содержанием должно быть обосновано вескими причинами [6, с. 77]. Таковыми могут быть, например, отсутствие достаточной определенности дефиниций, что

особенно пагубно сказывается при решении вопроса о квалификации деяния, либо в случае, когда иноотраслевой термин не подходит вследствие сложившейся специфики регулирования данной области уголовно-правовых отношений.

В п. 1 ст. 1 УК определено, что уголовное законодательство Российской Федерации состоит из Уголовного кодекса, а новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в него. В п. 1 ст. 3 УК говорится, что преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только УК. Таким образом, в Российской Федерации другие нормативные акты не могут, наряду с УК, определять, какие деяния признаются преступлениями. Следует заметить, что полная кодификация в сфере уголовного права характерна только для России и других бывших советских республик и стран, входивших в социалистический лагерь до его распада. В подавляющем большинстве стран мира, включая развитые страны Западной Европы и Америки, допускается параллельное функционирование, наряду с УК других уголовно-правовых законов и законов, содержащих отдельные уголовно-правовые нормы. Тем не менее эффективность уголовно-правовой системы от этого не страдает, а, как показывают специальные исследования, даже выигрывает [7, с. 8–9].

Целью принятия не уголовных нормативных правовых актов является регулирование того или иного пласта позитивных общественных отношений, о чем указывается в самих этих актах. Термины, заимствованные из них уголовно-правовыми нормами, используются в этих актах для описания только дозволенного либо и недозволенного поведения, но не преступного [6, с. 77]. По мнению ряда юристов, одна и та же норма не может одновременно регулировать два разных вида общественных отношений и заключать в себе два разных метода правового регулирования, нормы других отраслей права нельзя считать уголовно-правовыми в силу необходимости обращения к ним в процессе применения бланкетных норм УК [5, с. 78]. Однако такое жесткое разделение источников уголовного законодательства и иных отраслей, которое проведено в России, не может помешать обращаться к нормам не уголовного права, в том числе при толковании понятий-признаков. При решении вопроса о том, к какому уровню иерархии правовых норм нужно обращаться, следует руководствоваться правилами той отрасли законодательства,

в которой содержатся определения тех или иных понятий, не раскрытых в Уголовном кодексе.

Итак, можно выделить два технико-юридических приема охраны основ конституционного строя в уголовном праве:

а) формальный – соответствие структуры Особенной части иерархии социальных ценностей, закрепленных в конституционных основах, использование тех же терминов и определений и в том же значении, что и в Основах);

б) содержательный – установление уголовной ответственности за деяния, посягающие на Основы, на соответствие санкций степени опасности посягательств (в частности, это означает, что за посягательства на права и свободы должны предусматриваться более строгие наказания, чем на другие объекты уголовно-правовой охраны).

Реальное воплощение норм основ конституционного строя невозможно без отражения в сознании субъектов правоотношений их ценности и адекватности сложившейся системе общественных отношений и связей. Способы и средства, обеспечивающие реализацию правовых норм, работают тем эффективнее, чем меньше разрыв между реальностью и той моделью реальности, которая воплощена в законах. Именно такой баланс в механизме гарантирования приведет к полному воплощению конституционных норм, в том числе норм института основ конституционного строя в действительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2003 г. №3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 постановления ГД от 26 мая 2000 г. «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда г. Москвы и жалобами ряда граждан»; Постановление Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2001 г. №6-П «По делу о проверке конституционности статьи 265 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. А. Шевакова».
2. Трухин А. М. Объект уголовно-правовой охраны и объект преступления // Вестник КрасГУ. Гуманитарные науки. – 2001. – № 1. – С. 67–78.
3. Уголовный кодекс ФРГ / науч. ред., предисл. и пер. с нем. А. В. Серебренниковой. – М.: Зерцало-М, 2001. – 208 с.

4. *Царев Д. В.* Общее понятие и признаки преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства в России: дис. ... канд. юрид. наук. – Иваново, 2005. – 260 с.
5. *Штелер-Май А.* Сущность основ конституционного строя РФ и ФРГ: Сравнительно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002. – 205 с.
6. *Шишко И. В.* Экономические правонарушения: Вопросы юридической оценки и ответственности. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. – 303 с.
7. *Шулепова Л. Ф.* Современное немецкое дополнительное уголовное право («Nebenstrafrecht»). – М. : Юрист, 2007. – 224 с.

УДК 34.096

В. Д. Ольховиков

аспирант кафедры международного и конституционного права Института права, экономики и управления информацией МГЛУ;
e-mail: vadim_olhovikov@mail.ru

ЮРИДИЗАЦИЯ ЭТИЧЕСКИХ СТАНДАРТОВ В МЕЖДУНАРОДНОМ МЕДИЦИНСКОМ ПРАВЕ

В статье исследуются международно-правовые основы регулирования медицинской деятельности в контексте изменений в сфере здравоохранения и медицинского права, имевшие место в течение последних десятилетий.

Ключевые слова: медицинское право; медицинская этика; ответственность медицинского работника; биомедицинские исследования с участием человека; экспериментальное лечение.

Olkhovikov V. D.

Ph. D. graduate (Law), Department of International and Constitutional Law, Institute of Law, Economics and Information Management, MSLU

REGULATORY AND ETHICAL ASPECTS OF INTERNATIONAL HEALTH CARE LAW

The article deals with international legal regulation of medical practices. It focuses upon the legal, professional and technological developments which have taken place in health care and health care law in recent years.

Key words: health care law; medical ethics; medical liability; biomedical human research; experimental treatment.

Поступательное движение научно-технического прогресса во многих областях знаний, связанных с медициной, в совокупности с процессом глобализации, побуждает общество к философско-этическому их осмыслению и, что не менее важно, к правовому регулированию совершенно новых аспектов медицинской деятельности.

Представляется, что на сегодняшний день можно констатировать меньшую юридизацию понятия «медицинская деятельность» по сравнению с такими ключевыми понятиями в области медицинского права, как, например, понятия «медицинская помощь» и «медицинская услуга». Словарь терминов и понятий по медицинскому праву Н. А. Ардашевой определяет медицинскую помощь как «комплекс

мероприятий, направленных на удовлетворение потребностей в поддержании и восстановлении здоровья», а медицинскую услугу – как «мероприятия или комплекс мероприятий, направленных на профилактику заболеваний, их диагностику и лечение, имеющих самостоятельное законченное значение и определенную стоимость» [2, с. 206, 209]. Термин (понятие) «медицинская деятельность» в данном словаре отсутствует, при том что раскрывается содержание понятия «лицензирование медицинской и фармацевтической деятельности» – понятия, являющегося производным и в семантическом плане находящегося с понятием «медицинская деятельность» в видородовых отношениях. Х. Л. Михайлова рассматривает медицинскую помощь как системообразующее публично-правовое понятие, регулируемое нормами публичного и международного права, в то время как медицинская услуга является формой правового регулирования сложного комплекса отношений, возникающих между исполнителем услуги и конкретным пациентом [5, с. 5–6].

Следует отметить, что речь идет о русскоязычных терминах, используемых в нормативно-правовых актах РФ. Какова семантика слов «помощь» и «услуга»? Толковый словарь русского языка дает на это следующий ответ: «помощь» – содействие, поддержка в чем-либо; «услуга» – (1) действие, приносящее помощь, пользу другому, (2) мн. ч. (услуги) – работа, выполняемая для удовлетворения чьих-либо нужд, потребностей [10]. Такое толкование подсказывает понимание «медицинской помощи» как действия, для совершения которого, при определенных обстоятельствах, в соответствии с законом, может быть необходимо и достаточно выражения воли одного лица (или группы лиц). Такими обстоятельствами могут быть, например, природные и техногенные катастрофы, а также эпидемии. Здесь медицинская помощь является действием, имеющим односторонний характер, так как его совершение не требует обязательно встречного волеизъявления получателя помощи. Иное дело – медицинские услуги, оказание которых подразумевает встречное волеизъявление и которые, вследствие этого, являются всегда двусторонней сделкой. В силу этого представляется невозможной подстановка понятия «услуги» на место «помощь», например в ст. 41 Конституции РФ: «Каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за

счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений». Термин «медицинские услуги» более уместен в контексте гражданско-правовых отношений, связанных с заключением договоров на их оказание [4].

Ряд авторов подразумевает под «медицинской помощью» либо непосредственную деятельность врача, составляющую содержание оказываемой им услуги, либо медико-социальную деятельность, осуществляемую в пределах конкретного образования (к примеру, больницы или страны) [1, с. 145].

В этом суждении обращает на себя внимание, как нам кажется, разный объем содержания слова «деятельность»: в первом случае, по закону двустороннего договора, лежащего в основе медицинской услуги, осуществляющий свою профессиональную деятельность врач принимает во внимание исключительно лишь интересы находящегося под его наблюдением пациента и «обязан препятствовать любому другому интересу вмешиваться в интересы пациента, которого он лечит» [17, с. 168]; во втором случае деятельность врача может параллельно служить обществу и интересам медицины как науки. Использование людей в ходе медицинских экспериментов в других целях, чем достижение их собственного благополучия, и чисто научные исследования, например связанные с получением эмбриональных стволовых клеток или эмбриональных зародышевых клеток, — это, очевидно, одна из форм медицинской деятельности, но насколько она укладывается в понятие медицинской помощи и, тем более, медицинской услуги?

На наш взгляд, *медицинская деятельность представляет собой любые действия медицинского/биомедицинского характера, непосредственной, либо конечной целью которых является здоровье человека или совершенствование системы здравоохранения.* Если при рассмотрении медицинской деятельности в центре внимания оказываются аспекты, связанные именно с функционированием системы здравоохранения, в частности с ее управлением со стороны государства, то понятие (термин) «медицинская деятельность» логично наполнить, используя данное А. Н. Пищитой определение, следующим содержанием: комплекс «отношений между субъектами правоотношений, включающий в себя организацию системы обеспечения населения медицинской помощью, управление учреждениями здравоохранения и непосредственное оказание медицинской помощи

населению» [9, с. 55]. В качестве одной из сфер жизни общества медицинская деятельность подлежит правовому регулированию.

Регулирование медицинской деятельности представляет собой систему правовых норм, складывающихся в особую отрасль юриспруденции: медицинское право, относящееся к категории комплексных отраслей права [9, с. 54] в том смысле, что отношения в рамках данной системы здравоохранения регулируются нормами нескольких отраслей права (в зависимости от общественного строя, традиций и ряда других факторов). Так, например, отношения в здравоохранении современной России, как известно, регулируются нормами следующих отраслей права: административного, трудового, гражданского, уголовного, социального обеспечения. Медицинское право, на которое опирается современная национальная система здравоохранения Великобритании, типологически сходная с российской моделью, складывается из двух частей: прецедентного права и статутного права. По замечанию британских правоведов, изучение современного медицинского права Великобритании требует, в дополнение к правовым нормам, характеризующим отношения «врач – пациент», углубления также в административное право: «welfare law», «social security law» и законы, касающиеся здоровья населения [18]. В целом, законодательство государств в области здравоохранения имеет, при наличии общих черт, достаточно ярко выраженный национальный характер.

Существенные различия в медицинском праве образующих мировое сообщество государств, а также их разный экономический потенциал, необходимый для обеспечения закрепленного в документах международного уровня права на охрану здоровья, являются сдерживающим фактором на пути трансформации международных обязательств государств в области здравоохранения в полноценное международное медицинское право. Вместе с тем для формирования международного медицинского права имеются определенные предпосылки.

Ретроспективный взгляд на медицинские услуги показывает, как обычай в качестве источника правового регулирования в римском праве со временем перерастает в правовое регулирование медицинской помощи, основанное на частных гражданско-правовых началах. Современная концепция международно-правовой основы оказания медицинских услуг не только отражает понимание права

на здоровье в контексте прав человека и расширение рынка медицинских услуг в ходе научно-технического прогресса в медицине, но также исторически восходит к римскому праву – первоисточнику в создании модели общеевропейского права – и, вследствие этого, внутренне мотивирована.

Право на охрану здоровья имеет универсальный характер. Будучи закрепленным в универсальных нормативно-правовых актах (налагающих на государства-участники юридические обязательства), в нормативно-правовых актах регионального уровня (например, в принятых Советом Европы и Европейским Союзом документах) и в специализированных международно-правовых стандартах в сфере здравоохранения (таких, как конвенции и рекомендации Международной организации труда) [6, с. 40], исходно социальное право на охрану здоровья приобретает нормативно-правовое начало международно-правового характера [14]. Следование ратифицированным международным соглашениям предполагает приведение национальных законодательств о здравоохранении в соответствие с международными обязательствами. Наблюдавшееся в ходе этого процесса медленное – в течение десятилетий – закрепление в национальных законодательствах права на информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство или клиническое исследование с участием пациента, а также в ряде случаев недобросовестное следование одобренным декларациям – пример целесообразности более жесткого международного нормативно-правового регулирования медицинской деятельности. Первый международный «Свод правил о проведении экспериментов на людях» (Нюрнбергский кодекс, 1947 г.), Хельсинская декларация (1964), Конвенция о защите прав человека и достоинства человеческого существа в связи с использованием достижений биологии и медицины (Овьедо, Испания, 1997 г.) имели очевидное значение, но сами по себе в силу декларативного характера, оказались еще недостаточно эффективными в предотвращении широкоизвестных «злоупотреблений» [13, с. 1–28].

Сегодня уже можно констатировать факт существования международного медицинского права регионального уровня в рамках Европейского Союза. Нормативно-правовые акты Европейского Союза, основополагающими из которых являются «Конвенция о защите прав и основных свобод человека» и «Европейская социальная

хартия», принятые Советом Европы, а также «Хартия основных прав» и Конституция Европейского Союза являются правовым фундаментом четырех самостоятельных, но внутренне взаимосвязанных направлений политики в области здравоохранения на территории этого регионального объединения. Этими четырьмя направлениями, согласно формулировке Д. К. Мейсона и Д. Т. Лаури, являются: (1) мобильность (например, доступность медицинской помощи для граждан Европейского Союза за пределами их национальных границ и мобильность медицинского персонала); (2) развитие новых технологий (в особенности, в области биотехнологии и медицинского оборудования); (3) либерализация рынка медицинских услуг; (4) расширение медицинского права в ряде областей (таких, как организация работы в чрезвычайных медицинских ситуациях) [18, с. 48]. Следует отметить детализированность законодательства Европейского Союза в сфере медицины.

«Медицинский туризм» является перспективной областью развития международного медицинского права. Сказанное относится ко всему мировому сообществу, однако в правовом отношении трансграничная медицинская помощь наиболее регламентирована внутри Европейского Союза. Медицинские услуги, находящиеся в процессе правового регулирования в странах Европейского Союза, касаются: (1) возможности пациентов получать лечение за рубежом за счет системы социального обеспечения; (2) перемещаемости пособий добровольного медицинского страхования; (3) лечения в частных клиниках за пределами территории своего государства; (4) предоставления медицинских услуг, недоступных в одном из государств-членов ЕС в связи с законодательными ограничениями как следствием некоторых моральных или религиозных ценностей [7, с. 151–155; 18, с. 51 – 53].

Развитие высоких биомедицинских технологий заостряет проблему соотношения морально-этической и правовой форм регулирования медицинской деятельности, в том числе – социального регулирования возникающих в процессе оказания медицинских услуг общественных отношений. В целом, область биомедицинских исследований с участием людей является наиболее внутренне противоречивой, но вместе с тем и наиболее императивной с точки зрения принятия международных документов, налагающих юридические обязательства на государства-участники.

Можно выделить абстрактно-философский и сравнительно более практически направленный опыт осмысления этических вопросов исследований с участием человека. Автор «Философских размышлений об экспериментах с участием людей» Г. Джонас видит ключевую проблему в том, что экспериментальный субъект становится пассивной вещью, над которой производят действие; при этом, простое «согласие» (в основном сводящееся к разрешению) не решает проблемы такого «овеществления». По определению Г. Джонаса, возвышенная цель не отменяет этических обязанностей и в этом – корень проблемы: можно ли достичь поставленной цели и не нарушить этические обязательства, а если нет, то что будет справедливым компромиссом? [17, с. 163].

Примером более практически ориентированного исследования является «Бельмонтский отчет»: «Этические принципы и рекомендации по защите прав участников исследований» (отчет Национальной комиссии по защите людей – участников биомедицинских и поведенческих исследований, 1979 г.). В этом отчете провозглашаются три основных этических принципа: уважение к личности, благодеяние и справедливость – непосредственно относящиеся к этике исследований с участием человека. Благодеяние (*англ.* beneficence) понимается как обязательство и в качестве дополнения подразумевает два правила: (1) не навредить, (2) максимально увеличить пользу и свести к минимуму возможный вред для участников исследования. Применение этических принципов при проведении исследования означает выполнение следующих требований: получение информированного согласия, оценка соотношения риска и пользы, справедливость на социальном и индивидуальном уровнях при отборе участников исследования [8, с. 33–40].

Как известно, обоснованные с позиции этики предложения национальной комиссии получили статус юридически закрепленных детализированных регуляторных требований в виде кодифицированных нормативов 2001 г., называющихся: «Общие положения, раздел 45 («Общественное благополучие»), «Свод федеральных нормативных актов, часть 46» («Защита участников исследований»)). В результате международного сотрудничества были выработаны два важных нормативно-правовых акта: «Международное руководство по этическим принципам проведения биомедицинских исследований с участием людей» (1993 г., вторая редакция издана в 2002 г.)

и «Гармонизированное трехстороннее руководство ИСН – руководство по надлежащей клинической практике» (международная конференция по гармонизации технических требований к регистрации лекарств, используемых для человека, 1996 г.). Как отмечается, этот, второй, документ был согласован с регуляторными органами Европы, Японии и США, а в России его перевод принят в качестве национального стандарта (приказ министерства здравоохранения РФ от 19 июня 2003 г. №266 «Об утверждении правил клинической практики в Российской Федерации») [13, с. 27].

Упомянутые документы отражают характер соотношения этических и юридических аспектов регламентации исследований с участием человека. Обратим внимание на «право субъектов, здоровью которых был причинен вред, на лечение и компенсацию» (Положение 19 и Комментарий к Положению 19) «Международного руководства»: «Исследователи должны гарантировать, что субъекты, здоровью которых в результате участия в исследовании был причинен вред, будут иметь право на бесплатное лечение, а также на финансовую или иную помощь, которая была бы справедливой компенсацией за любое заболевание, нетрудоспособность или увечье. <...> Однако реализация системы компенсаций за связанные с исследованием телесные повреждения или гибель участника на практике представляется сложной задачей» [11, с. 81–82]. Комментарий к Положению 21: «этические обязательства внешних спонсоров в оказании услуг», в частности, указывает: «Хотя в целом спонсоры не обязаны предоставлять медицинские услуги сверхнеобходимых для проведения исследования, это следует сделать с точки зрения этики» [11, с. 83]. Согласно «Гармонизированному трехстороннему руководству», «если участники испытания получают компенсацию, порядок и способ ее выплаты должны соответствовать имеющимся нормативным требованиям» [3, с. 93]. Представляется, что в приведенных цитатах этический императив неадекватно дополнен недвусмысленными юридически выверенными формулировками, накладывающими безусловные компенсационные обязательства и исключаящие неоднозначные толкования (каков критерий справедливой компенсации?, как интерпретировать формулировку: «хотя в целом не обязаны <...> это следует сделать?» и т. д.).

Приведенные примеры подводят к пониманию *особого характера* и, на наш взгляд, *слабой – в правовом отношении – стороны*

международного медицинского права, а именно: регулирование медицинской деятельности (в том числе, медицинских услуг) тесно связано с вырабатываемыми международными медицинскими организациями нормами медицинской этики, которые сами по себе еще не являются нормами права, а приобретают юридическое значение в ряде случаев (придание им национальными государственными органами силы источника права, принятие во внимание судами при определении стандартов профессиональной предусмотрительности и т. д.).

Вторая половина прошлого века и первое десятилетие нынешнего столетия характеризуются процессом формирования медико-правовой этики на основе врачебной этики, медицинской деонтологии и биомедицинской этики, характеризуются процессом складывания современного медицинского права. При этом особенность медицинского права как особой отрасли права как раз и состоит в том, что юридические нормы соединяются в нем с этическими правилами; этические правила выступают в качестве связующего звена между морально нравственными принципами общества и регламентируемыми государством правовыми нормами. Однако этические императивы субъективны «по определению». Эта сложность проявляется уже на уровне национальных законодательств о здравоохранении; в контексте международного медицинского права она возрастает в силу культурных различий. Хотя национальные законодательства о здравоохранении опираются на этические принципы, главной их чертой является комплексный характер регулирования отношений в сфере охраны здоровья населения. В Российской Федерации это – административно-правовой механизм, гражданско-правовой механизм, нормы трудового права, права социального обеспечения, уголовно-правовые нормы. В международных правовых актах «удельный вес» этических стандартов кажется сравнительно большим. Должны ли этические стандарты иметь универсальный характер или локальная этика в некоторых случаях приоритетна? По этому вопросу нет единого мнения. М. Энджелл категорична в суждении, что «медицинские этические стандарты не могут носить относительный характер и должны оцениваться по своему содержанию; сила местного обычая или закона не оправдывает злоупотребления определенными фундаментальными правами» [15, с. 376]. Принимая это суждение, следует вместе с тем согласиться

и с Н. Кристакисом в том, что «мы должны лоббировать между простотой этической универсальности и сложностью этического релятивизма; должны осознать и принять двусмысленность этической изменчивости; ожиданием нашей культуры является то, что этические дилеммы имеют решение, однако не все конфликты, особенно в такой сложной области, как этика научных исследований, разрешимы» [16, с. 381–382].

Таким образом, не ставя под сомнение значимость этической основы медицинской деятельности, необходимо еще раз подчеркнуть ее недостаточность в ряде спорных случаев. Следствием этого является *продуктивность дальнейшей юридикации медицинской деятельности с перспективной целью создания международного медицинского права в качестве формы и инструмента детализированной правовой регламентации различных, в том числе – спорных, вопросов терапевтических вмешательств и исследований*. Необходимость «перекодирования» этических стандартов в правовые нормы в разных случаях неодинакова. Обязательное получение информированного согласия, исключение необоснованных рисков – примеры общепринятых этических стандартов. Обязательность приложения врачом-исследователем усилий, необходимых для получения компетентного согласия пациента, обязательность информированного специального согласия («когда предлагаемое вмешательство предполагает высокий риск по сравнению с получаемой пользой или с альтернативными методами или же когда предпочтения пациента, его ценности могут быть существенными для такого согласия» [19, с. 220]), менее очевидны. Этический статус эмбриона (скопление клеток или личность?), этический статус плода в зависимости от срока беременности, допустимость создания эмбрионов для научных исследований – область полярных суждений; обсуждение этического статуса клона на сегодняшний день было бы за границами научными дискурса. Вместе с тем такая гипотетическая возможность существует, на что косвенно указывает Закон РФ от 20 мая 2002 г. № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека»: «с учетом перспективы использования имеющихся и разрабатываемых технологий клонирования организмов предусматривается возможность продления запрета на клонирование человека или его отмены по мере накопления научных знаний в данной области, определения моральных, социальных и этических норм при использовании технологий клонирования

человека». Принимая во внимание коммерческий потенциал высоких технологий в области медицины, сомнительно, что возможно сдержать их внедрение. Этим объясняется актуальность их правового регулирования на внутригосударственном и, в перспективе, на международном уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александрова О. Ю.* Ответственность за правонарушения в медицине: учеб. пособие для студ. высших учеб. заведений / О. Ю. Александрова, Н. Ф. Герасименко, Ю. И. Григорьев, И. Ю. Григорьев. – М.: Академия, 2006. – 240 с.
2. *Ардашева Н. А.* Словарь терминов и понятий по медицинскому праву. – СПб.: СпецЛит, 2007. – 528 с.
3. Гармонизированное трехстороннее руководство – Руководство по надлежащей клинической практике (Руководство международной конференции по гармонизации (ICH) ICH-GCP) // Этическая и правовая сторона проведения клинических исследований: сб. ст. и комм. / под ред. И. Дж. Эммануэля, Р. А. Крауча, Д. Д. Арааса, Д. Д. Морено, К. Грейди; пер. с англ. / под ред. В. В. Власова. – М.: Практическая медицина, 2013. – С. 84–97.
3. Конституция РФ. Научно-практический комментарий / под ред. Б. Н. Топорина. – М.: Юристъ, 1997. – 716 с.
4. *Михайлова Х. Л.* Международные и национальные стандарты при урегулировании споров в сфере предоставления медицинских услуг: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – 133 с.
5. *Москаленко В. Ф.* Системы здравоохранения: современный контекст. – Киев: Книга-плюс, 2012. – 320 с.
6. *Моссигалос Э., Томпсон С.* Добровольное медицинское страхование в странах Европейского союза. – М.: Весь Мир, 2006. – 224 с.
7. Национальная комиссия по защите людей – участников биомедицинских и поведенческих исследований. Бельмонтский отчет. Этические принципы по защите прав участников исследования // Этическая и правовая сторона проведения клинических исследований: Сб. ст. и комм. / под ред. И. Дж. Эммануэля, Р. А. Крауча, Д. Д. Арааса, Д. Д. Морено, К. Грейди; пер. с англ. / под ред. В. В. Власова. – М.: Практическая медицина, 2013. – С. 33–40.
8. *Пиццита А. Н.* Правовое регулирование медицинской деятельности в современной России. Теоретико-правовые аспекты. – М.: ЦКБ РАН, 2008. – 196 с.
9. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – Т. 4. – М.: Русский язык, 1984. – 800 с.

10. Совет международных научных медицинских организаций. Международное руководство по этическим принципам проведения биомедицинских исследований с участием людей // Этическая и правовая сторона проведения клинических исследований: Сб. ст. и комм. / под ред. И. Дж. Эммануэля, Р. А. Крауча, Д. Д. Арааса, Д. Д. Морено, К. Грейди; пер. с англ. / под ред. В. В. Власова. – М. : Практическая медицина, 2013. – С. 58–83.
11. Федеральный закон РФ от 20 мая 2002 г. № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека» // Российская газета. – 2002, 23 мая.
12. Этическая и правовая сторона проведения клинических исследований: сб. ст. и комм. / под ред. И. Дж. Эммануэля, Р. А. Крауча, Д. Д. Арааса, Д. Д. Морено, К. Грейди; пер. с англ. / под ред. В. В. Власова. – М. : Практическая медицина, 2013. – С. 1–28.
13. Я Юрист [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yajurist.info/mejdunarodnie-otnosheniya/Page-2.html>.
14. *Angell Marcia*. Этический империализм? Этика в международных совместных клинических исследованиях // Этическая и правовая сторона проведения клинических исследований: Сб. ст. и комм. / под ред. И. Дж. Эммануэля, Р. А. Крауча, Д. Д. Арааса, Д. Д. Морено, К. Грейди; пер. с англ. / под ред. В. В. Власова. – М. : Практическая медицина, 2013. – С. 375–376.
15. *Christakis Nicholas A.* Локальная этика. Межкультурные различия в этике клинических исследований // Этическая и правовая сторона проведения клинических исследований: Сб. ст. и комм. / под ред. И. Дж. Эммануэля, Р. А. Крауча, Д. Д. Арааса, Д. Д. Морено, К. Грейди; пер. с англ. / под ред. В. В. Власова. – М. : Практическая медицина, 2013. – С. 377–382.
16. *Hans Jonas*. Философские размышления об экспериментах с участием людей // Этическая и правовая сторона проведения клинических исследований: сб. ст. и комм. ; под ред. И. Дж. Эммануэля, Р. А. Крауча, Д. Д. Арааса, Д. Д. Морено, К. Грейди; пер. с англ. / под ред. В. В. Власова. – М. : Практическая медицина, 2013. – С. 163–169.
17. *Mason J. K., Laurie G. T.* Law and medical Ethics. – N. Y.: Oxford University Press, 2011. – 688 p.
18. *Truog Robert D., Robinson Walter, Randolph Adrienne, Morris Alan.* Информированное согласие в рандомизированных контролируемых испытаниях: всегда ли оно необходимо? // Этическая и правовая сторона проведения клинических исследований: Сб. ст. и комм. / под ред. И. Дж. Эммануэля, Р. А. Крауча, Д. Д. Арааса, Д. Д. Морено, К. Грейди; пер. с англ. / под ред. В. В. Власова. – М. : Практическая медицина, 2013. – С. 220–223.

УДК 343.237

Т. В. Прокофьева

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Института права, экономики и управления информацией МГЛУ, доцент;
e-mail: prokofftv@list.ru

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ОРГАНИЗОВАННЫХ ПРЕСТУПНЫХ ФОРМИРОВАНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В статье рассмотрена характеристика организованных преступных формирований экономической направленности, определены отрасли и сферы экономической деятельности, наиболее подверженные криминальному воздействию. Анализируются особенности функционирования организованных преступных формирований в сфере экономики.

Ключевые слова: организованная преступность; организованные преступные формирования; отрасли экономики; преступность в сфере экономики.

Prokofyeva T. V.

Ph.D (Law), Assistant Professor, Department of Criminal Law Disciplines, Institute of Law, Economics and Information Management, MSLU

PECULIARITIES OF MODERN ORGANIZED ECONOMIC CRIME FUNCTIONING

The main focus of the article is on the characteristics of the organized economic crimes. Main spheres and branches of economic activities exposed to criminal influence are described. The peculiarities of modern organized economic crime functioning are analyzed.

Key words: organized crime; criminalization of different branches of economy; economic crime.

Современная организованная экономическая преступность, действуя под прикрытием коррупционных связей в органах власти и управления, в правоохранительных структурах, представляет сегодня серьезную угрозу национальной экономической безопасности. Она набрала некую критическую массу ресурсов (финансовых, политических), которая позволяет ей легко справляться с установленными государством ограничениями и запретами.

Достижение организованной преступностью определенного этапа в своем развитии, в том числе в вопросах проникновения во власть и создания систем криминальных связей, обуславливают ее стремление как участника экономических отношений к извлечению максимального объема как материальной прибыли, так и политических дивидендов.

Одним из показательных примеров в данном случае может служить деятельность лидера преступной среды Е. П. Васина, более 15-и лет вполне обоснованно считавшегося теневым «правителем» Дальнего Востока¹. Созданное им в г. Комсомольск-на-Амуре организованное преступное сообщество (далее – ОПС) имело влияние, прямое или косвенное, на большинство крупных градообразующих и имеющих существенное значение для формирования бюджета предприятий всего Дальнего Востока. Оно располагало представительствами практически во всех странах Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), где было налажено взаимодействие не только с криминалитетом, но и с легальным бизнес-сообществом, в том числе в части выполнения некоторых контрольных функций. Так, например, «филиал» преступного сообщества в южнокорейском порту Пусан фиксировал все заходы судов с товарами морского промысла и, не в пример отечественным органам правопорядка, владел абсолютно точными цифрами по количеству неучтенной продукции, ввезенной в эту страну, от реализации которой получал «свою» долю прибыли. Безусловно, кроме этой деятельности лидеры этого ОПС являлись организаторами незаконного промысла водных биоресурсов путем финансирования этого бизнеса, обеспечения безопасности от угроз со стороны противоборствующих преступных группировок и т. д. [3].

Если до недавнего времени в публикациях авторов говорилось о том, что организованная преступность стремится проникнуть во властные структуры, указывалось на тенденции сращивания представителей организованной преступности с представителями госаппарата, о продвижении на руководящие посты лиц, прямо или косвенно связанных с криминальными формированиями [4, с. 181], на сегодняшний день можно говорить о том, что она уже проникла во власть и занимает там определенные позиции.

¹ Васин Евгений Петрович («Джем»), 1951 г. р., шесть раз судим, первый раз – в пятнадцатилетнем возрасте. Входил в десятку наиболее авторитетных «воров в законе» России (<http://www.primecrime.ru/characters>).

Так, например, мэром г. Владивосток (2004–2008) избирался лидер организованного преступного сообщества «Винни-Пуки» В. В. Николаев, который одновременно являлся совладельцем крупнейшего предприятия рыбной отрасли всей страны – ЗАО «Ролиз» (например: <http://lenta.ru/articles/2007/12/24/mayor>; <http://crimerussia.ru/organizedcrime>).

Таким образом, современная организованная преступность в реализации экономических интересов пытается обеспечить сохранение власти как экономической, так и политической (на это указали 63 % опрошенных респондентов из числа сотрудников правоохранительных органов¹), которое возможно лишь при условии владения существенными финансовыми, материальными, людскими и прочими ресурсами.

По названной причине вполне логично выглядит то, что организованная преступность стремится не просто к обогащению, а к стабильному и регулярному извлечению прибыли. При этом в своей деятельности она не отделяет легальный бизнес от криминального (85 % респондентов), а в качестве направлений экономической деятельности выбирает только наиболее высокодоходные сферы хозяйствования с быстрой оборачиваемостью вложенных средств (85,3 %).

Как свидетельствует практика, на сегодняшний день к числу наиболее подверженных криминальному воздействию со стороны организованной преступности отраслей и сфер экономической деятельности относятся: потребительский рынок, сфера внешнеэкономической деятельности, финансово-кредитная сфера, бюджетная сфера, топливно-энергетический комплекс, производство и оборот этилового спирта, алкогольной, табачной и иной продукции, банковская сфера, ЖКХ и строительство, сфера защиты прав интеллектуальной собственности, сфера оборота водных биоресурсов, АПК, лесное хозяйство и др. [1].

Характерным отличительным признаком современной организованной преступности является то, что, будучи участником легальной экономической деятельности, она использует незаконные методы конкурентной борьбы, связанные с насилием над мнимыми или реальными конкурентами (55 %), что, как правило, способствует

¹ Здесь и далее указаны результаты опроса 125 сотрудников оперативных подразделений ОВД.

полной монополизации сфер производства или рынка реализации товаров и услуг. При этом криминальный характер ее экономической деятельности выражается, как правило, в следующем:

– в достижении целей получения прибыли используются запрещенные законом схемы, основывающиеся на совершении мошенничеств (59,1%), уклонении от уплаты налогов (72,2%), на незаконном предпринимательстве (69,3%), на рейдерском захвате имущества (53,1%), и др.;

– в легальном бизнесе главным образом используются «криминальные» денежные средства (54,5%) и система коррупционных связей (74,3%);

– в предпринимательской деятельности практически неизменно осуществляется «опора» на силовую, правовую, информационную и аналитическую поддержку и на сопровождение коммерческих операций профильными специалистами высокого уровня (63,4%) и др. Небезынтересным, по нашему мнению, являются следующие данные респондентов. Они указывают, что если в начале становления организованной преступности в качестве специалистов в своем большинстве использовались юристы, то в последние годы самыми востребованными специалистами у представителей организованной экономической преступности являются: экономисты (так указали 75% респондентов); таможенные брокеры и иные специалисты в таможенном деле (71%); специалисты в банковском деле (47%); управленцы и организаторы бизнес-проектов (42%).

Сказанное объясняется тем, что специализация в динамично меняющемся мире приобретает особое значение при совершении сложных экономических преступлений, требующих согласованных действий высококвалифицированных специалистов. Поэтому для осуществления организованной преступной деятельности в качестве консультантов или соучастников нередко привлекаются специалисты соответствующих отраслей знаний.

Таким образом, обобщение имеющихся данных позволяет определить, что организованная преступность в сфере экономических отношений – это осуществляемая преимущественно легально предпринимательская деятельность, где субъекты ее реализации систематически применяют противоправные методы ведения бизнеса, связанные с использованием коррупционных связей в органах власти и управления, а также насилие над конкурентами и другими участникам экономических отношений.

Такой вид экономической деятельности представляет собой материальную форму противозаконного ведения бизнеса, обладающую многими типичными свойствами предпринимательской деятельности, где речь может идти о желании извлечения и присвоения прибыли с целью максимизации ее массы, проводимую инициативно под собственную ответственность предпринимателя.

Нам могут возразить, что в российской реальности многие предприниматели ведут бизнес по схожей схеме (модели), поэтому следует выделить признаки, которые позволяют разграничить «добросовестный» бизнес от деятельности организованных групп и преступных сообществ.

На принципиальные различия между «добросовестным» бизнесом и деятельностью организованных преступных формирований указали респонденты, которые определили наличие у последних «особых» моделей формирования и ведения бизнеса. Суть их выражается в том, что организованная преступность как экономический феномен реализуется в виде организованной криминальной экономической деятельности (так считают 75 % респондентов), где доминирующей целью всегда является стремление к максимальной прибыли, извлекаемой как в сфере легальной, так и нелегальной экономики, и получение власти (63 %).

В свою очередь достижение целей осуществляется путем применения таких методов ведения бизнеса, которые нарушают правила цивилизованного рынка, приводят к дисфункциям обменных, распределительных или иных общественных отношений в сфере экономики и в системе управления, подрывают основы свободы частной собственности, конкуренции, ценообразования и др.

Как свидетельствует практика, у организованной преступности почти всегда присутствует особый порядок формирования цен на товары и услуги, т. е. обеспечение конкурентного преимущества. Так, в большинстве случаев цены на товары и услуги у организованных групп и преступных сообществ ниже, чем у представителей добросовестного бизнеса (указали 63 % респондентов), что определяется наличием некомпенсируемых расходов, безвозвратных ссуд, необходимых для обеспечения производства и сбыта продукции, а также отсутствием затрат на страховку рисков коммерческих операции. К слову сказать, организованная преступность сама выступает гарантом обеспечения непредвиденных затрат и т. д.

Следующим отличием является то, что у организованной экономической преступности существует особый порядок учета издержек производства и реализации товаров и услуг (63,5%).

Эксперты выделяют два вида издержек: первый – традиционный вид, присущий любой коммерческой деятельности, и второй – завуалированный и не отражающийся в официальной отчетности коммерческой организации, так как присутствуют непредусмотренные официальными сметами затраты, включая компенсации чиновникам за оказанные услуги, оплату разного рода силовых акций в отношении конкурентов и др.

К особенностям также следует отнести криминальный характер организации рынков сырья и готовой продукции (51,2%). Данное отличие характерно проявляется в секторах легкой и пищевой промышленности. По мнению специалистов, наиболее агрессивно организованная преступность действует при импорте товаров легкой промышленности. Характерным правонарушением при совершении импорта товаров народного потребления является занижение объемов оформляемых товаров и их недостоверное декларирование в целях снижения таможенной пошлины и ухода от ограничений нетарифного характера (сертификации). Например, по данным Госкомстата России в секторе легкой промышленности доля не задекларированного товара только из Китая в 2012 г. составила 79% общего оборота розничной торговли (в денежном выражении она составляет 3 млрд 234 млн долл. США).

Приведем еще один пример, применительно к рыбной отрасли, где организованная преступность ежегодно нелегально вывозит за рубеж продукцию морского промысла на сумму, превышающую 2 млрд долл. США. Например, в период 2006–2009 гг. согласно полученным от японских властей данным в порты Японии только в 26,5% случаев отечественные суда сдавали легальную продукцию. В остальных случаях (73,5% судозаходов) доставка продукции была осуществлена с нарушением действующего законодательства [2, с. 6].

Снижение результативности деятельности правоохранительных органов по борьбе с организованными преступными формированиями в значительной степени определяется способностью последних блокировать реакцию государства, его правоохранительный потенциал и осуществление правосудия путем подкупа должностных лиц органов государственной власти.

Как показывает практика, к числу основных приемов страхования криминальных рисков, предпринимаемых организованной преступностью по обеспечению собственной безопасности, а также противодействию правоохранительным органам, относятся:

а) установление широких коррупционных связей в законодательных, исполнительных, в том числе в правоохранительных органах власти (58,5 %);

б) использование криминалистических знаний и методов оперативно-розыскной деятельности, а также информационного противодействия (34 %);

в) поддержание высокого уровня технической оснащенности структурных подразделений, задачи которых состоят в обеспечении функционирования преступного сообщества (31,3 %).

Сказанным объясняется сегодняшнее устойчивое присутствие организованной преступности в наиболее доходных секторах экономики, установление контроля над важными и прибыльными ее сегментами.

На основании вышеизложенного следует заключить, что организованная преступность как экономический феномен реализуется в виде организованной криминальной экономической деятельности. Она должна рассматриваться как реально существующий специфический субъект экономических отношений, действующий в сфере российского хозяйства и представляющий угрозу национальной экономической безопасности. Для организованной криминальной экономической деятельности цель состоит в максимизации прибыли, извлекаемой как в сфере легальной, так и криминальной экономики. Целью же самой организованной преступности является достижение власти как экономической, так и политической, при этом в обоих случаях для достижения целей используются преимущественно противоправные методы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Информационно-справочный материал к всероссийскому совещанию-семинару с руководителями подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции территориальных органов МВД России на окружном и региональном уровнях, Восточно-Сибирского и Забайкальского линейных управлений МВД России на транспорте на тему: «О повышении эффективности служебной деятельности

- и методического обеспечения вопросов борьбы с преступлениями в сфере экономики и коррупции», 7–8 ноября 2012 г. – Домодедово: ВИПК МВД России, 2012.
2. *Васильев Э. А.* Теоретические основы борьбы с преступлениями в сфере оборота водных биоресурсов: Монография / под науч. ред. д-ра юрид. наук, проф. В. Д. Ларичева. – М.: ВНИИ МВД России» 2012. – 265 с.
 3. Дальний Восток: хроника организованной преступности – 3. (обзор прессы 1997–2008 гг.). – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2008. – 283 с.
 4. Основы борьбы с организованной преступностью. Монография / под ред. В. С. Овчинского, В. Е. Эминова, Н. П. Яблокова. – М.: ИНФРА-М, 1996. – 400 с.

УДК 343.8

В. И. Селиверстов

доктор юридических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Института права, экономики и управления информацией МГЛУ, профессор;
e-mail: vis_home@list.ru

НОВЫЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОДЕРЖАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИНЯТИЯ

В ряде государств, образовавшихся на постсоветском пространстве, идет правовая реформа в сфере борьбы с преступностью. В России на официальном уровне в качестве первоочередной задачи не ставится принятие криминальных кодексов, хотя в юридической науке такие предложения имеются. В статье анализируется – является ли такая выжидательная позиция в сфере исполнения уголовных наказаний и применения иных мер уголовно-правового воздействия обоснованной и не отстанет ли Российская Федерация в проведении правовых реформ от своих партнеров по СНГ, а в будущем – и по создаваемому Евразийскому союзу.

Ключевые слова: реформирование системы исполнения наказания; качество уголовно-исполнительного закона; кодификация норм уголовно-исполнительного законодательства; регламентация мер уголовно-правового характера.

Seliverstov V. I.

Ph. D. (Law, higher doctorate degree), Honoured Scientist of the Russian Federation, Professor, Department of Criminal Law Disciplines, Institute of Law, Economics and Information Management, MSLU

THE NEW CRIMINAL LAW ENFORCEMENT CODE OF RUSSIAN FEDERATION: CONTENT AND PROSPECTS FOR ADOPTION

In some States of the former Soviet Union, is legal reform in the fight against crime . In Russia not officially put the adoption of the Criminal Code as a priority, although in legal science such offers are available. The article examines whether such a waiting position in the field of penal and application of other measures under criminal law - based , and will not go away if the Russian Federation in legal reform from its partners in the CIS and in the future and the created the Eurasian Union.

Key words: reform of the penal system; quality penitentiary law; codification of penal legislation; regulation measures under criminal law.

Система исполнения наказания в любом государстве находится под пристальным вниманием институтов гражданского общества. Исполнение наказания фактически завершает стадию уголовно-правового принуждения лица, совершившего преступление. От эффективности наказания на стадии его исполнения во многом зависит результативность деятельности всей уголовной юстиции государства. Поэтому внимание государственных структур и общественных институтов в России, особенно в последние два десятилетия, было обращено на поиск наиболее эффективных путей реформирования системы исполнения наказания, освобождения ее от наследия прошлого и ее приспособления к реалиям современного государства, стремящегося стать демократическим и правовым.

С момента образования Российской Федерации как самостоятельного государства прошла всеобъемлющая правовая реформа, в рамках которой была реформирована правоохранительная деятельность государства. В 1996 г. был принят новый Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), в 1997 г. – Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (далее – УИК РФ), в 2003 г. – Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ).

УИК РФ 1997 г. представлял собой результат глубокой кодификации различных нормативных правовых актов, действовавших до 1997 г. в России, а именно: Исправительно-трудового кодекса РСФСР (1970), Положения о порядке и условиях исполнения в РСФСР уголовных наказаний не связанных с мерами исправительно-трудового воздействия на осужденных (1984), Положения о дисциплинарном батальоне в Вооруженных Силах СССР (1983) и других подзаконных нормативных актов. В процессе проходившей кодификации происходило не только упорядочение нормативного материала путем объединения правовых норм в единый, логически цельный и внутренне согласованный акт, но и коренная переработка содержания норм об исполнении уголовных наказаний, изменение предмета правового регулирования уголовно-исполнительного законодательства, его целей, принципов, методов и средств исправительного воздействия на осужденных. Такая глубокая переработка законодательства об исполнении наказания и его содержания была обусловлена целым рядом факторов, определяющих уголовно-исполнительную политику государства.

Прежде всего, на рубеже 90-х гг. пошлого столетия коренным образом изменились социально-экономические и политические основы деятельности государства. Российская Федерация была провозглашена демократическим, правовым и социальным государством, в котором было гарантировано в качестве экономической составляющей равенство всех форм собственности на основе развития рыночной экономики. Изменились идеологические цели и принципы, приоритет был отдан соблюдению прав человека. Это в свою очередь обусловило ориентацию уголовно-исполнительной политики и законодательства на соблюдение международных стандартов обращения с осужденными.

На содержание норм нового уголовно-исполнительного законодательства оказал влияние принятый накануне, а именно – 2 ноября 1996 г., Модельный уголовно-исполнительный кодекс государств – участников СНГ [11].

В результате кодификации 1996 – 1997 годов был подготовлен и принят УИК РФ, отвечающий всем изменившимся условиям деятельности государства и обеспечивающий необходимый уровень эффективности стадии исполнения уголовных наказаний.

По истечении пятнадцати лет действия УИК РФ в научных и в официальных кругах России появились мнения о необходимости разработки и принятия нового уголовно-исполнительного кодекса, либо его новой редакции. Во многом эти суждения вызваны претензиями российских ученых (и не только их) к качеству уголовного законодательства. Общеизвестно, что в УК РФ за эти годы было внесено свыше одной тысячи изменений и дополнений, в результате чего, по образному выражению профессора А. И. Коробеева, «из первоначально цельного и системного акта он превратился в некое подобие лоскутного одеяла, наполнился внутренними противоречиями...» [3, с. 23].

Определенная девальвация уголовных кодексов в результате вносимых в них изменений и дополнений наблюдается и в других странах СНГ. Например, в Республике Казахстан принято решение о подготовке новых криминальных кодексов, включая уголовный и уголовно-исполнительный. Еще в 2011 г. в этом государстве была подготовлена и прошла обсуждение Концепция нового уголовного законодательства, а в марте 2013 г. возможности принятия нового уголовно-исполнительного кодекса были обсуждены на

международном тюремном форуме, посвященном путям модернизации пенитенциарной системы Республики Казахстан. Почти одновременно в Республике Кыргызстан руководством страны поставлена задача подготовки новых уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуальных кодексов с внедрением институтов административной преюдиции, уголовной ответственности юридических лиц, разграничения уголовных преступлений и уголовных проступков и других новелл.

Применительно к Российской Федерации среди ученых обострилась полемика – является ли ухудшение качества законодательства, регламентирующего борьбу с преступностью, необратимым? Может ли оно с неизбежностью свидетельствовать о необходимости подготовки новых кодексов и о новой кодификации в данных отраслях права? Сделаем попытку ответить на данные вопросы применительно к УИК РФ, не претендуя на распространение наших выводов на другие страны СНГ.

Необходимость принятия нового УИК РФ может возникнуть вследствие одной из трех причин, а именно:

- 1) принятие нового УК РФ;
- 2) низкое качество уголовно-исполнительного закона, в первую очередь УИК РФ;
- 3) дальнейшая кодификация норм уголовно-исполнительного законодательства.

Рассмотрим их по порядку.

Принятие нового УК РФ. Уголовное законодательство является базовым по отношению к другим отраслям законодательства, регламентирующим деятельность государства по противодействию преступности, в том числе и по отношению к уголовно-исполнительному законодательству. Уголовное законодательство содержит такие базовые для уголовно-исполнительного законодательства категории, как цели и виды наказания, основания назначения и основания освобождения от отбывания наказания преступниками. Поэтому принятие нового УК РФ может обусловить необходимость разработки нового УИК РФ только в том случае, если в новом уголовном кодексе будет закреплена принципиально иная система уголовных наказаний, либо в имеющиеся виды наказаний будет вложено иное содержание. И то, и другое представляется лишь в виде гипотетической возможности.

Совершенствование системы наказаний имело место до последнего времени. Так, в 2010 г. существенно изменилось содержание наказания в виде ограничения свободы, в 2011 г. появилось новое наказание в виде принудительных работ. Введение последнего вида наказания оказалось явно неудачным, поскольку для его исполнения в каждом субъекте Российской Федерации необходимо построить исправительный центр, а в крупных субъектах – несколько исправительных центров. Вследствие отсутствия финансирования на строительство исправительных центров введение принудительных работ сначала отложили до 1 января 2013 г., а затем до 1 января 2014 г. В настоящее время принято решение об отложении введения данного вида наказания до 1 января 2017 г. Каких-либо серьезных предпосылок для вывода о том, что принудительные работы будут введены даже с 1 января 2017 г., на наш взгляд, не имеется. Причем этот вывод сделан не только из соображений достаточно серьезных материальных затрат на его введение в действие, но и на явно бросающейся в глаза искусственности и нежизненности сформулированных законодателем условий отбывания данного вида наказания.

До настоящего времени не введено в действие наказание в виде ареста. Являясь новым наказанием для системы наказаний, предусмотренной ст. 44 УК РФ (1996), оно также оказалось материально затратным для Российского государства.

Таким образом, имеющийся опыт введения новых видов наказания свидетельствует о явной бесперспективности этого пути с учетом как экономического положения государства, так и ограниченности тех благ, на которые может воздействовать карательное содержание нового наказания. Принципиальные реформации содержания традиционных, имеющихся в действующем УК РФ, наказаний в виде лишения свободы, исправительных работ и других видов невозможны по причинам не только больших материальных затрат, но и отсутствия каких-либо научных обоснований в целесообразности столь существенных изменений. Если же будет принят или новый УК РФ, или УК РФ в новой редакции, но без изменения системы уголовных наказаний, то произошедшие изменения целесообразно будет отразить в УИК РФ с помощью частичных изменений и дополнений отдельными федеральными законами.

Низкое качество уголовно-исполнительного закона, в первую очередь УИК РФ. Термин «качество» в словарях русского

языка раскрывается в различных значениях. Наиболее общеизвестное и приемлемое в контексте данной темы – «качество – это степень ... ценности, пригодности вещи, действия и т. п., соответствие тому, какими они должны быть» [7, с. 423].

В правовой науке сложилось два основных подхода к определению ценности или качества законодательных актов. Представители первого под качеством закона понимают его соответствие социально-экономическим, политико-правовым и иным условиям жизни общества [5]. Сторонники второго подхода трактуют качество закона в более широком контексте. Так, В. М. Сырых отмечает, что «если при изучении качества закона в его соотношении с экономическими, политическими и иными явлениями речь идет о качестве содержания норм права и их социальной обусловленности, то другой подход специализируется на изучении качества формы закона, присущих ему признаков как источнику права и формам изложения норм права в тексте» [9, с. 43]. Таким образом, констатирует известные ученые в области общей теории права, «поскольку форма и содержание находятся в тесной взаимосвязи, то качество закона может быть раскрыто полно и всесторонне лишь как качество его формы и содержания» [9, с. 43].

Представляется, что вышеизложенное понимание качества закона в единстве его формы и содержания может стать основой для исследования качества уголовно-исполнительного закона. При этом следует учитывать, что уголовно-исполнительный закон в отличие от уголовного закона не ограничивается одним законодательным актом, а включает в себя совокупность федеральных законов, а при более широком толковании термина «уголовно-исполнительное законодательство» включает в себя еще и подзаконные нормативные правовые акты, число которых значительно превышает число федеральных законов. В данной статье речь будет идти о качестве основного акта в сфере исполнения наказания, определяющем идеологию и сам порядок исполнения наказания – об Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации.

Начнем с оценки качества формы закона. В российской правовой науке качество формы закона в основном определяют через соблюдение требований законодательной техники. Соответственно качественный закон должен отвечать следующим признакам: нормативности, общеобязательности, полноте и конкретности нормативно-правового регулирования, ясности и доступности языка, простоте,

краткости, точности и определенности терминов и формулировок, логической последовательности и непротиворечивости нормативных положений между собой и нормам законов, имеющих высшую юридическую силу и т. д. [1, с. 377]. Все эти признаки должны быть учтены как при разработке и принятии УИК РФ, так и в процессе совершенствования уголовно-исполнительного законодательства. Между тем в этой отрасли права существует немало проблем, снижающих качество уголовно-исполнительного закона. Причем в своем большинстве эти проблемы возникли на стадии правотворчества, а именно при принятии многочисленных изменений и дополнений в УИК РФ.

Так, за прошедшие 15 лет (с 1 июля 1997 г. по 30 декабря 2012 г.) было издано 58 федеральных законов, которыми в УИК РФ были внесены многочисленные изменения и дополнения. В кодексе появилось 29 новых статей, утратили силу 16 статей и одно приложение. Некоторые изменения и дополнения были обусловлены прошедшей корректировкой уголовного законодательства, являющегося базовым для уголовно-исполнительного, другие – реализацией правовых реформ в целом в государственной системе и в ее отдельных звеньях. Третьи имели самостоятельное значение и были направлены на совершенствование процесса исполнения наказания и иных мер уголовно-правового характера, а также применения к осужденным мер исправительного воздействия. Однако достаточному числу из них присуща общая черта: они не соответствуют общепринятым приемам законодательной техники, что существенно снижает качество уголовно-исполнительного закона. Приведем наиболее часто встречающиеся недостатки принятых новелл уголовно-исполнительного законодательства. Это, прежде всего:

- противоречивость принятых норм между собой, несоответствие закрепленным принципам уголовно-исполнительного законодательства и другим положениям Общей части УИК РФ;
- неточность и неясность языка законодательных норм, приводящая к неоднозначному их толкованию;
- игнорирование требования единства терминологии в рамках УИК РФ и смежных отраслей права;
- появление пробелов в правовом регулировании, приводящих к неполноте и неконкретности правового регулирования исполнения и отбывания уголовных наказаний и мер уголовно-правового характера.

По всем указанным выше недостаткам можно привести конкретные примеры, причем из законодательства последних лет. Устранение отмеченных недостатков заключается в повышении качества законодательской работы, в четком соблюдении приемов законодательной техники. Это возможно сделать путем внесения необходимых изменений и дополнений, а при запущенных стадиях «некачественного законодательства» – путем принятия новой редакции кодекса. Именно такую запущенную стадию «некачественного законодательства» мы наблюдаем применительно к УК РФ, по отношению к УИК РФ данной стадии пока не наступило.

Оценка качества содержания закона, его социальной обусловленности исходит из степени выполнения законом своей социальной роли, соответствия его положений экономическим, политическим, социальным и иным реалиям, закономерностям и потребностям прогрессивного общественного развития.

Однако возникает вопрос о тех критериях, которые могут свидетельствовать о выполнении уголовно-исполнительным законом своей социальной роли. Как представляется, одним из таких критериев является стабильность общих идей и положений, на которых базируется правовое регулирование в сфере исполнения наказаний в целом. Применительно к УИК РФ речь идет о положениях, закрепленных в Общей части данного Кодекса. Рассмотрим их более подробно.

Цели уголовно-исполнительного законодательства. В части первой ст. 1 УИК РФ закреплены следующие цели: а) исправление осужденных; б) предупреждение совершения новых преступлений осужденными; в) предупреждение совершения преступлений со стороны иных лиц. В чем достоинство закрепления данных целей уголовно-исполнительного законодательства?

Первое, на что следует обратить внимание, это то, что в качестве цели уголовно-исполнительного законодательства не предусмотрена поставленная перед наказанием (часть 2 ст. 43 УК РФ) цель восстановления социальной справедливости. Цель восстановления социальной справедливости уже достигнута при назначении уголовного наказания, хотя по этому поводу нет единства мнений в теории уголовного и уголовно-исполнительного права. Профессор Ю. М. Ткачевский, наоборот, считает одним из существенных недостатков УИК РФ отсутствие закрепления в качестве цели восстановления социальной справедливости [10, с. 398]. Аналогичной

позиции придерживается В. Н. Орлов и другие ученые [4, с. 107]. Однако законодатель, на наш взгляд, вполне обоснованно не воспринял до настоящего времени аргументы сторонников включения в число целей уголовно-исполнительного законодательства цели восстановления социальной справедливости.

Вторая отличительная черта заключается в том, что нормами УИК РФ установлен примат цели исправления осужденных. Данная цель закреплена на первом месте и соответственно ее достижение является приоритетным и первоочередным делом в процессе исполнения уголовных наказаний.

Постановка перед наказанием и перед уголовно-исполнительным законодательством цели исправления осужденных в науке уголовного и уголовно-исполнительного права подвергается сомнению. Так, часть ученых считает целесообразным отказаться от цели исправления по причине неопределенности содержания данного термина и заменить его на «ресоциализацию», «социализацию», «реадаптацию», «социальную адаптацию» личности осужденного. Иные специалисты предлагают исключить из перечня цель исправления осужденных, поскольку она недостижима в современных условиях. Не можем согласиться с указанными позициями.

Во-первых, замена исправления на иные, в основном иностранного происхождения термины, вряд ли будет обоснована, учитывая неопределенность и дискуссионность приведенных выше терминов.

Во-вторых, цель исправления была известна еще советскому исправительно-трудовому праву. Нередко в то время она понималась как воспитание в процессе отбывания наказания, особенно лишения свободы, высоконравственного человека, передового строителя коммунизма. Такое завышенное понимание цели исправления даже породило шутку о том, что для построения коммунизма в стране необходимо пребывание всех граждан в исправительно-трудовых учреждениях. В настоящее время содержание исправления в качестве цели понимается в контексте уголовного наказания. Это такое изменение сознания человека, которое не позволяет ему нарушать элементарные нравственные заповеди и не совершать преступлений. А о достижении эталонного высоконравственного поведения речи не идет. В таком понимании цель исправления более достижима и избавлена от налетов идеологии и искусственности.

В-третьих, нельзя подходить к цели исправления осужденных чисто потребительски, как к какому-либо блюду в ресторане, которое обязательно будет подано, если оно заказано и оплачено. Цель представляет собой категорию, к которой необходимо стремиться, но которая не может быть достигнута. Основным показателем достижения этой цели является постпенитенциарный рецидив, хотя и этот показатель не универсален. К сожалению, ранее существовавшая в СССР система учета рецидива после отбывания лишения свободы разрушена. Выборочные социологические исследования показывают, что рецидив после освобождения из исправительных учреждений колеблется от 30 до 50%. Так, согласно региональным научным исследованиям, проведенным учеными Томского государственного университета, в течение трех лет после освобождения совершает новое преступление в среднем 55% освобожденных из колонии общего режима и 29,6% освобожденных из колонии строгого режима (данные приведены на основе анализа рецидива после освобождения из колоний общего и строгого режима Томской и Кемеровской областей) [2, с. 8–9]. На основе этого же исследования выявлены очень интересные и значимые различия в постпенитенциарном рецидиве в зависимости от вида преступлений, оснований освобождения от отбывания наказания, возраста преступника, его образования, семейного положения и т. д. Так, например, постпенитенциарный рецидив среди условно-досрочно освобожденных из колонии общего режима составил 68%, а по отбытию срока наказания в виде лишения свободы этот рецидив равен 47%, из колонии строгого режима соответственно – 39 и 21%.

На отказ от цели исправления направлено появившиеся в последнее время мнение о существовании категории неисправимых преступников. Так, при разработке и принятии 14 октября 2010 г. Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. руководителями Минюста России и ФСИН России было заявлено о существовании данной категории осужденных среди лиц, отбывающих лишение свободы. В названной выше Концепции их обозначили как осужденных, не способных к ресоциализации. Соответственно лишение свободы они должны были отбывать в более чем 400 тюрьмах, создание которых предполагалось осуществить в период с 2013 по 2016 г. Как видно, речь шла о более чем 400 тыс. осужденных. Следует отметить, что данным планам не

удалось осуществиться, и 9 сентября 2013 г. распоряжением Правительства РФ №1616-р была создана рабочая группа по корректировке отдельных положений Концепции, среди которых, как нам представляется, должен быть пересмотр самой «тюремной» идеи. При ином подходе выделение категории неисправимых преступников нанесло бы непоправимый ущерб уголовно-исполнительной системе России. Отказ от цели исправления осужденных для столь многочисленной категории осужденных повлек бы сокращение бюджетных ассигнований на развитие воспитательных технологий работы с осужденными, свертывание психологической, социальной и воспитательной работы с ними. Государственная власть юридически признала бы существование целой касты «отверженных», не способных к ресоциализации или к исправлению осужденных. В истории развития человечества были государства, которые содержали идеологические постулаты о вредности отдельных групп населения, дифференцированных по национальному признаку, состоянию психического здоровья, социальному происхождению или по другим признакам. Известно, что такие государства признавались фашистскими или тоталитарными со всеми вытекающими из этого факта последствиями. Едва ли есть целесообразность России идти по этому пути.

На уровне политики такая попытка отхода от цели исправления была предпринята, однако в законодательстве цель исправления осталась в неизменном виде, что свидетельствует о достаточном качестве уголовно-исполнительного закона.

Принципы уголовно-исполнительного законодательства закреплены в ст. 8 УИК РФ. Это принципы законности, гуманизма, демократизма, равенства осужденных перед законом, дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний, рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения, соединения наказания с исправительным воздействием.

Система принципов осталась неизменной с момента принятия УИК РФ. Во многом этому способствовало то, что принципы не расшифрованы в отдельных статьях Кодекса, а даны в виде перечня общеправовых, межотраслевых и отраслевых или специальных принципов. Установление соответствия норм уголовно-исполнительного права его принципам достаточно сложный

и оценочный процесс. Проекты норм, явно противоречащие принципам уголовно-исполнительного законодательства, имели место за истекшее с момента принятия УИК РФ время. Однако они не были приняты. Последний законопроект, положения которого содержат отступления от принципа равенства осужденных перед законом в зависимости от вероисповедания, возвращен Администрацией Президента Российской Федерации в январе 2013 г. в Правительство Российской Федерации для коренной переработки.

Основные средства исправления осужденных предусмотрены в ч. 2 ст. 9 УИК РФ. Это установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно-полезный труд, получение общего образования, профессиональная подготовка и общественное воздействие.

Не секрет, что указанные средства исправления были заимствованы из советского исправительно-трудового законодательства. В условиях новых экономических и политических отношений на стадии принятия Кодекса, да и в настоящее время, отдельные из них выглядят несколько архаично, например общественно-полезный труд в условиях господства идеологии рыночных отношений. На момент принятия УИК РФ наука не могла предложить иных основных средств исправления, полагая, что практика вырабатывает новые средства исправительного воздействия на осужденных. Эти ожидания оправдались (хотя возможно, только частично) – при исполнении лишения свободы с осужденными стала проводиться социальная работа, которая впоследствии стала применяться и в деятельности уголовно-исполнительных инспекций при исполнении наказаний без изоляции от общества. Поэтому существует вполне обоснованная позиция о дополнении части 2 ст. 9 УИК РФ указанием на социальную работу.

Есть основания рассмотреть в качестве основного средства исправления осужденных и психологическую работу с ними. В настоящее время в нормах УИК РФ предусмотрено лишь право осужденных на психологическую помощь. Это, конечно, не позволяет психологам работать на законных основаниях со всеми осужденными, а не только с теми, кто обратился за психологической помощью.

В теории уголовно-исполнительного права имеются различные предложения о дополнении основных средств исправления осужденных, например мерами поощрения и взыскания, изменениями условий отбывания наказания и т. д. Однако, как представляется,

указанные средства могут быть отнесены к иным средствам исправления, а не к основным. Независимо от имеющейся в науке уголовно-исполнительного права полемики о дополнении основных средств исправления осужденных, теоретическая конструкция основных средств исправления осужденных, закрепленная в момент принятия УИК РФ, осталась неизменной.

Основы правового положения осужденных были закреплены в главе второй УИК РФ. Основные идеи, заложенные в основу определения правового статуса осужденных, остались неизменными. Это:

- 1) установление ограничений основных прав и свобод человека и гражданина с учетом необходимости обеспечения ценностей, указанных в части 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации;
- 2) установление ограничений прав и свобод человека и гражданина только федеральным законом;
- 3) гарантирование государственной охраны прав, свобод и законных интересов осужденных;
- 4) закрепление основных обязанностей и основных прав осужденных в Общей части УИК РФ.

За время, прошедшее со дня принятия УИК РФ, девятью федеральными законами были внесены изменения и дополнения в главу, регламентирующую правовое положение осужденных. Однако данные изменения коснулись в основном изменения порядка реализации прав и законных интересов осужденных либо установления дополнительных гарантий их обеспечения. Изменения и дополнения не затронули основ правового положения осужденных, что также свидетельствует о достаточном качестве уголовно-исполнительного закона.

Система учреждений и органов, исполняющих наказания, закреплена в ст. 16 УИК РФ. Она в большей степени изменялась и дополнялась в зависимости от исключения из перечня, предусмотренного ст. 44 УК РФ, отдельных видов наказания (конфискация имущества), либо его дополнения (принудительные работы). Имело место изменение вида учреждения, исполняющего наказание в виде ограничения свободы, по причине существенной корректировки его карательного содержания.

В настоящее время перед системой учреждений и органов, исполняющих наказания, стоят две проблемы. Первая проистекает из нормативно определенного в УК РФ перечня наказаний: арест не

введен в действие в качестве вида наказания с 1997 г. . К данному виду наказания добавилось наказание в виде принудительных работ, срок введения которого повторно отложен до 1 января 2017 г. . Существует вполне обоснованное предположение, что введение наказания в виде принудительных работ будет вновь отсрочено: в федеральных бюджетах Российской Федерации в течение последних двух десятков лет не предусматривается выделение необходимых финансовых средств для строительства новых учреждений, исполняющих наказания, в том числе арестных домов и исправительных центров. Решение данной проблемы видится в исключении ареста и принудительных работ из системы уголовных наказаний с соответствующей корректировкой норм УК РФ и УИК РФ, предусматривающих назначение и исполнение данных видов уголовных наказаний.

Вторая проблема возникла не в связи с несовершенством нормативно закрепленной системы уголовных наказаний и учреждений, их исполняющих, а в связи с явно ошибочными решениями в уголовно-исполнительной политике, а именно в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. В ней предусмотрен переход от системы исправительных колоний к тюрьмам, которых предстоит открыть свыше 400 в период 2013–2016 гг. Об этой проблеме писали и пишут средства массовой информации, она стала предметом обсуждения в Правительстве РФ и в Государственной Думе Федерального Собрания РФ, на встрече Президента РФ с Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации. Нам удалось обосновать свое мнение по этой проблеме в ряде телевизионных программ и выступлений в периодической печати [6]. В начале 2013 г. , отчитываясь перед депутатами в Государственной Думе Федерального Собрания РФ, министр юстиции фактически признал утопичность положений о тюремном содержании в рамках реализации указанной выше Концепции. Данное должностное лицо заявило о том, что тюрьма является лучшим средством для отбывания лишения свободы, но в настоящее время нет средств даже на текущее финансирование первоочередных нужд исправительных колоний [8, с. 127]. Этим самым подтвержден явный просчет именно в политической линии, а не в нормах УИК РФ.

Таким образом, следует констатировать достаточное качество уголовно-исполнительного законодательства в первую очередь УИК РФ, основанного на стабильности общих положений данного кодифицированного акта: целей законодательства, принципов

и основных средств исправления, основ правового положения осужденных и системы учреждений и органов, исполняющих наказания. Соответственно принятие нового уголовно-исполнительного кодекса не может обуславливаться системными недостатками действующего УИК РФ, его низким качеством. Данное положение не исключает возможности и необходимости устранения возникших противоречий и пробелов в УИК РФ путем внесения изменений и дополнений в его нормы.

Дальнейшая кодификация норм уголовно-исполнительного законодательства может стать единственным основанием для принятия решения о подготовке нового уголовно-исполнительного кодекса. В ч. 2 ст. 2 УИК РФ определены виды общественных отношений, входящих в предмет уголовно-исполнительного законодательства и права. В теории уголовно-исполнительного права они сведены в три основных блока:

- 1) общественные отношения, возникающие в связи с исполнением и отбыванием уголовных наказаний;
- 2) общественные отношения, возникающие при исполнении и отбывании иных мер уголовно-правового характера;
- 3) общественные отношения, возникающие при применении к осужденным основных средств исправления.

Следует признать, что в части 2 ст. 2 УИК РФ виды общественных отношений, относящихся к иным мерам уголовно-правового характера, терминологически не очень удачно изложены. Предметом уголовно-исполнительного законодательства могут быть отношения, возникающие в связи с исполнением иных мер уголовно-правового характера, а не с их применением. В теории уголовного и уголовно-исполнительного права термином «применение» охватывается и назначение уголовно-правовых мер. Последнее является предметом правового регулирования норм УК РФ и отчасти УПК РФ. Стадия же исполнения иных уголовно-правовых мер относится к предмету уголовно-исполнительного законодательства. Однако, если по этой причине и последуют изменения в предмете уголовно-исполнительного законодательства, то они будут чисто редакционными. Основа в определении предмета уголовно-исполнительного законодательства осталась неизменной.

В то же время нельзя отрицать того, что в Особенной части УИК РФ имеются нормы, не имеющие отношения к уголовно-исполнительному законодательству. Также нельзя отрицать и наличие

попыток дальнейшего «засорения» УИК РФ правовыми нормами, относящимися к иным отраслям законодательства. В качестве примера можно привести подготовленный в 2012–2013 гг. Правительством Российской Федерации проект федерального закона, которым предполагается урегулировать взаимоотношения администрации исправительных учреждений и религиозных конфессий при реализации осужденным к лишению свободы права на свободу вероисповедания. Большинство предлагаемых норм относится к иным отраслям права, например к административному праву. Они могли бы быть предусмотрены в таком законе, как Закон РФ 1993 г. «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы».

Основная же проблема в определении предмета уголовно-исполнительного законодательства состоит в том, что в нормах УИК РФ исполнение иных мер уголовно-правового характера регламентировано лишь в общих чертах и не в полном объеме. Так, в Общей части УИК РФ об исполнении иных мер уголовно-правового характера упоминается лишь в ч. 2 ст. 2, где определяется предмет уголовно-исполнительного законодательства, в ч. 13 ст. 16, посвященной определению органа, осуществляющего контроль за условно осужденными и за применением принудительных мер медицинского характера, а также в ст. 18, полностью посвященной исполнению принудительных мер медицинского характера.

В Особенной части УИК РФ регламентировано исполнение таких мер уголовно-правового характера, как условное осуждение и отсрочка отбывания наказания осужденным беременным женщинам, женщинам, имеющим ребенка в возрасте до 14 лет, мужчинам, имеющим ребенка в возрасте до 14 лет и являющимся единственным родителем. Исполнение иных мер уголовно-правового характера не регламентировано в УИК РФ, например принудительные меры воспитательного характера в отношении несовершеннолетних осужденных регламентированы частично в ведомственных нормативных правовых актах Министерства образования РФ и Министерства внутренних дел РФ. Исполнение ряда мер уголовно-правового характера как предусмотренных в УК РФ со стадии его принятия в 1996 г., так и введенных в УК РФ в последующем вообще не урегулированы. Речь идет о конфискации имущества (ст. 104-1 УК РФ); об отсрочке отбывания наказания больным наркоманией (ст. 82-1 УК РФ);

об отсрочке выплаты штрафа (ч. 2 ст. 398 УПК РФ); об отсрочке отбывания наказания в связи с болезнью осужденного, препятствующей отбыванию наказания (ч. 1 ст. 398 УПК РФ) и других.

Основная задача будущей кодификации состоит в том, чтобы в полном объеме урегулировать в УИК РФ все общественные отношения, входящие в предмет уголовно-исполнительного права. В таком случае вследствие того, что придется регулировать исполнение всех мер уголовно-правового характера, новый уголовно-исполнительный кодекс мог бы стать двухуровневым:

– Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. Том первый: Исполнение и отбывание уголовных наказаний. Часть Общая и часть Особенная.

– Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. Том второй: Исполнение и отбывание мер уголовно-правового характера. Часть Общая и часть Особенная.

Этот случай в меньшей степени приближен к фантастике, коей является закрепление в УК РФ новой, принципиально отличной от прежней, системы уголовных наказаний, для реализации которой требуется высокий уровень развития теории уголовного и уголовно-исполнительного права, большой объём кодификационной работы, а самое главное – стабильное, эффективное и качественное уголовное законодательство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бокова И. Н.* Юридическая техника в уголовном праве: качество закона и законотворческая ошибка // Научные тр. РАЮН: в 2 т. – Вып. 2. – Т. 1. – М.: Юрист, 2002. – С. 376–381.
2. *Городнянская В. В.* Постпенитенциарный рецидив: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 2011. – 22 с.
3. *Коробеев А. И.* Лоскутное одеяло Уголовного кодекса: чем и когда закончится гиперинфляция правовой политики современной России // Независимая газета. – 2013, 5 февр. – С. 2.
4. *Орлов В. Н.* Уголовное наказание: понятие, цели, система, объекты и субъекты: монография. – М.: Изд-во МГЮА; Элит, 2011. – 464 с.
5. *Поленина С. В.* Качество закона и эффективность законодательства; под ред. Я. А. Куник. – М.: Изд-во ИГиП РАН, 1993. – 56 с.
6. *Селиверстов В. И.* Тюремные фантомы // Независимая газета. – 2012, 4 дек. – С. 3.

7. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред А. П. Евгеньевой. – Т. 2. – М.: Русский язык, 1982. – 736 с.
8. Стенографический отчет заседания ГД РФ. 71-е заседание. – 2013, 15 янв.
9. *Сырых В. М.* Законодательная техника: Научно-практическое пособие / Л. Ф. Апт, Н. А. Власенко, В. Б. Исаков, С. В. Кузнецов и др.; под ред. Ю. А. Тихомирова. – М.: Городец, 2000. – 272 с.
10. *Ткачевский Ю. М.* Избранные труды: сборник / сост. А. В. Пашковская. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2010. – 597 с.
11. Уголовно-исполнительный кодекс. Модель. Рекомендательный законодательный акт для СНГ. – СПб.: Секретариат Совета МПА, 1997. – 109 с.

УДК 343.163

Н. В. Трошина

ст. помощник Хамовнического межрайонного прокурора прокуратуры
г. Москвы; e-mail: Natali_troshina@mail.ru

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА
ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ СУДЕБНЫМИ ПРИСТАВАМИ
ЗАКОНОВ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ**

В статье анализируются проблемные аспекты прокурорского надзора за исполнением судебными приставами законов о государственной службе. Приводится авторская точка зрения по вопросам имеющихся пробелов в прокурорском надзоре. Обращается внимание на наличие неурегулированности в механизме реализации прокурором возложенных на него полномочий.

Ключевые слова: прокурор; прокурорский надзор; органы принудительного исполнения; судебный пристав; исполнительное производство, надзорные мероприятия; укрепление законности и правопорядка; профилактическое воздействие.

Troshina N. V.

The senior assistant of the Khamovniki Interdistrict Prosecutor of the Prosecutor's office of Moscow, post-graduate student of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation

**ON SOME ISSUES OF THE PROSECUTOR'S SUPERVISION
OVER THE EXECUTION OF THE BAILIFFS LAWS
ON CIVIL SERVICE**

In this article the author analyzes the problematic aspects of the Prosecutor's supervision over the execution of court bailiffs of the laws on civil service. Presents the author's point of view, on the available sample-fishing in the prosecutorial oversight. Attention is drawn to the existence of the unresolved in the implementation of the Prosecutor of the powers vested in him.

Key words: public Prosecutor; public Prosecutor's supervision; the bodies of the compulsory execution; a bailiff; execution; supervision activities; strengthening of law and order and preventive effects.

С принятием Федеральных законов от 21 июля 1997 г. № 118 «О судебных приставах» (далее – Закон о судебных приставах) и «Об исполнительном производстве» от 02 октября 2007 г. № 229-ФЗ (далее – Закон об исполнительном производстве) в судебно-исполнительной системе произошли существенные изменения, в связи

с чем изменились формы и методы прокурорского надзора в этой сфере. В соответствии со ст. 19 Закона о судебных приставах и ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 г. № 2202-1 (далее – Закон о прокуратуре) прокуроры осуществляют надзор за исполнением законов судебными приставами. Наряду с проверкой исполнения важное место занимает организация прокурорского надзора.

О необходимости организации прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении полномочий судебными приставами сказано в указании Генерального прокурора Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 155/7 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами», обязывающем заместителей Генерального прокурора Российской Федерации, начальников главных управлений и управлений Генеральной прокуратуры Российской Федерации, прокуроров субъектов Российской Федерации, районов и иных территориальных прокуроров *обеспечить надлежащий прокурорский надзор за исполнением законов судебными приставами*. Это положение предопределяет, что деятельность судебных приставов относится к исключительной поднадзорности территориальных прокуроров. Данное указание носит системный характер, подготовлено с учетом опыта прокурорского надзора за деятельностью судебных приставов и «базируется на современных подходах к роли и месту прокурорского надзора в сфере принудительного исполнения решений судов и иных органов» [2, с. 302].

При этом, как показывает практика, прокуроры при проведении проверок больше уделяют внимание вопросам, связанным с совершением исполнительных действий по исполнительным производством, недооценивая значимость исполнения судебными приставами иных законов, включая законы, регулирующие порядок прохождения государственной службы.

Вместе с тем на судебных приставах распространяются ограничения, запреты и обязанности, установленные Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и ст. 17, 18 и 20 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

Проведенное исследование показало, что судебными приставами не всегда соблюдаются требования вышеуказанных законов.

Так, проверкой прокуратуры города Саратова выявлены нарушения антикоррупционного законодательства при принятии гражданина на работу в коммерческий банк.

Установлено, что в 2012 г. указанный гражданин, занимая должность судебного пристава-исполнителя, в рамках исполнительного производства осуществлял в отношении банка функции государственного управления, предусмотренные Федеральным законом от 02 октября 2007 г. № 229 «Об исполнительном производстве». Он действовал во исполнение решения суда о взыскании в пользу банка средств по кредитному договору с фирмой, зарегистрированной в Республике Мордовия. Впоследствии данный судебный пристав был принят на работу в указанный банк. Однако это было сделано без согласия комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих и к урегулированию конфликта интересов, управления Федеральной службы судебных приставов по Республике Мордовия, что является нарушением требований Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273 «О противодействии коррупции».

Данный факт послужил основанием для обращения прокурора в суд с иском к банку и к бывшему государственному служащему. Суд возложил на банк обязанность прекратить трудовой договор с указанным работником. Например:

Новости от 28.03.2013. В Саратовской области впервые применена практика расторжения в судебном порядке трудового договора с работником, принятым на работу с нарушением требований антикоррупционного законодательства [7].

Статьей 3 Закона о судебных приставах предусмотрено, что судебным приставом может быть гражданин Российской Федерации, достигший возраста 21 год, имеющий среднее (полное) общее или среднее профессиональное образование (для старшего судебного пристава, заместителя старшего судебного пристава – высшее юридическое образование), способный по своим деловым и личным качествам, а также по состоянию здоровья исполнять возложенные на него обязанности. Судебный пристав является должностным лицом, состоящим на государственной службе.

В практике прокурорского надзора имеются примеры выявления нарушений судебными приставами требований, предусмотренных ст. 3 Закона о судебных приставах.

Например, прокуратура Нехаевского района Волгоградской области в ходе проведенной проверки в 2013 г. установила, что в нарушение требований указанного законодательства старший судебный пристав – начальник одного из отделов УФССП России по Волгоградской области – была назначена на должность при отсутствии необходимого высшего юридического образования.

По результатам надзорных мероприятий прокурор обратился в суд с исковым заявлением к управлению Федеральной службы судебных приставов по Волгоградской области о понуждении исполнить соответствующие требования законодательства о государственной службе. До рассмотрения гражданского дела судом ответчик исполнил требования прокурора, и старший судебный пристав – начальник отдела УФССП России по Волгоградской области была освобождена от занимаемой должности [8].

Имеют место и иные нарушения законодательства, выявленные прокурорами в процессе осуществления прокурорского надзора. Так, прокуратурой Магаданской области совместно с органами безопасности была проведена проверка соблюдения законодательства о государственной службе и о противодействии коррупции в УФССП России по Магаданской области.

Проверкой установлено, что в декабре 2012 г. для выполнения прогнозного плана работы на 2012 г. начальник отдела – старший судебный пристав межрайонного отдела судебных приставов по исполнению особо сложных исполнительных производств УФССП по Магаданской области – дала указание семи подчиненным сотрудникам обеспечить окончание исполнительных производств без фактического их исполнения.

Рассчитывая на получение денежных премий, судебные приставы вынесли постановления об окончании 196 исполнительных производств, внося заведомо ложные сведения о том, что должники оплатили штрафы, наложенные на них ГИБДД и УМВД по Магаданской области. В итоге, за выполнение плана работы указанные сотрудники службы судебных приставов получили премии в размере от 5 до 30 тыс. руб. каждый. В результате их незаконных действий подвергнутые штрафам граждане, в отношении которых были возбуждены исполнительные производства, фактически избежали административной ответственности.

На основании материалов прокурорской проверки следственными органами в отношении семи судебных приставов-исполнителей возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 292 УК РФ (служебный подлог), в отношении начальника отдела – старшего судебного пристава – по ч. 1 ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий).

Например, Новости от 16.08.2013. В Магаданской области по результатам прокурорской проверки возбуждено уголовное дело в отношении восьми сотрудников службы судебных приставов [9].

Анализируя систему органов принудительного исполнения, нельзя не отметить, что на руководителей органов ФССП России возложены обязанности по осуществлению не только руководства вверенными им органами, но и по контролю за законностью их деятельности. Каждый из руководителей в пределах предоставленной ему компетенции вправе и обязан осуществлять контроль в подразделениях ФССП России. Руководители каждого звена имеют право отменить или изменить не соответствующие требованиям законодательства Российской Федерации решения подчиненных им должностных лиц Федеральной службы судебных приставов и организуют контроль в любой иной установленной для них сфере деятельности [2].

Управлением Генеральной прокуратуры Российской Федерации по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции по обращению о незаконном предоставлении единовременной субсидии на приобретение жилого помещения в ходе проведенной проверки установлено, что в соответствии с приказами ФССП России в 2010 г. руководителю управления Федеральной службы судебных приставов по Камчатскому краю была предоставлена субсидия на приобретение жилого помещения в размере 8,7 млн рублей.

В соответствии с правилами предоставления федеральным государственным гражданским служащим единовременной субсидии на приобретение жилого помещения расчет ее суммы осуществляется с применением поправочных коэффициентов с учетом места прохождения службы. Вопреки данным требованиям при расчете в ФССП России суммы предоставленной субсидии был применен коэффициент по г. Москве, а не по Камчатскому краю.

В связи с этим в нарушение требований Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», а также Бюджетного кодекса Российской Федерации руководителю управления Федеральной службы судебных приставов по Камчатскому краю неправомерно было выплачено более 2,5 млн рублей.

В целях устранения допущенных нарушений в январе 2013 г. Генеральная прокуратура Российской Федерации внесла в Федеральную службу судебных приставов представление, в котором предложено принять меры по возмещению в федеральный бюджет незаконно выплаченных средств. По результатам его рассмотрения в марте 2013 г. ФССП России направила в Таганский районный суд г. Москвы исковое заявление о взыскании с руководителя управления ФССП по Камчатскому краю излишне выплаченных ему денежных средств. Например: Новости от 10.04.2013. По результатам проверки Генеральной прокуратуры Российской Федерации выявлен факт предоставления руководителю управления Федеральной службы судебных приставов по Камчатскому краю излишней субсидии в размере 2,5 млн рублей [10].

Учитывая вышеприведенную прокурорскую практику, можно говорить об отсутствии системного комплексного подхода проводимого органами прокуратуры при осуществлении надзора за соблюдением требований законодательства о прохождении государственной службы судебными приставами-исполнителями.

Эти обстоятельства требуют серьезного переосмысления правовых и организационных основ прокурорского надзора, выработки новых, соответствующим реалиям современной действительности научных представлений, направленных на повышение эффективности и на дальнейшее совершенствование организации работы прокуроров.

Задача органов прокуратуры при осуществлении надзора за деятельностью судебных приставов двуединая: с одной стороны, прокурор обязан осуществлять надзор за законностью действий и решений судебных приставов, а с другой – оказывать содействие органам принудительного исполнения актов юрисдикционных и неюрисдикционных органов [1, с. 72–73]. По мнению С. Н. Бочаровой, прокурорский надзор будет намного эффективней, если органы прокуратуры будут взаимодействовать со службой судебных приставов [1].

Автор статьи полагает, что для совершенствования прокурорского надзора за исполнением судебными приставами законов о государственной службе необходимо осуществление постоянного взаимодействия органов прокуратуры с ФССП России. Взаимодействие может осуществляться в форме участия в заседаниях постоянно действующих рабочих групп, возглавляемых руководящими работниками структурных подразделений ФССП России для выявления и аналитической проработки проблемных вопросов, внесения по ним соответствующих предложений, получения от руководителей структурных подразделений ФССП России результатов сверок данных о работе судебных приставов-исполнителей.

Проблемы совершения должностных преступлений сотрудниками ФССП России, вне зависимости от занимаемой ими должности, в полном объеме не изучены. По мнению П. Е. Царева, необходимо принятие ряда мер, направленных на предупреждение преступлений среди лиц, занимающих должности в Федеральной службе судебных приставов [11, с. 49].

В первую очередь должны быть увеличены материальные и социальные гарантии сотрудникам ФССП России. Эта мера представляется наиболее актуальной на фоне значительного роста в 2012–2013 гг. уровня доходов сотрудников иных правоохранительных органов (полиции, системы исполнения наказаний, наркоконтроля и др.). Во-вторых, должны быть изменены критерии оценки деятельности сотрудников ФССП России в пользу качественных, а не количественных показателей. Указанные меры позволили бы повысить престижность и привлекательность профессии судебного пристава, создать конкуренцию при приеме на работу в подразделения ведомства и справиться с проблемой текучести кадров, которая в 2012 г. составила более 22,5%, а среди судебных приставов-исполнителей – 39%. Одновременно должен быть кардинально изменен подход к работе подразделений ФССП России по противодействию коррупции, к работе с кадрами и по вопросам безопасности. Основной акцент в их деятельности должен быть сделан на профилактику и предупреждение совершения преступлений, а не на их пресечение и выявление.

«Следует заметить что, чем раньше выявляются и устраняются нарушения законов и способствующие им обстоятельства, тем достигается большее профилактическое воздействие, что может в дальнейшем предупредить и не допустить вышеуказанных нарушений

закона перерастающих из дисциплинарных и административных проступков в преступления» [6, с. 388].

Дополнив ст. 1 Закона о прокуратуре строкой об осуществлении надзора за исполнением законов судебными приставами, законодатель изменил сложившейся традиции, не включив дополнительную главу, конкретизирующую предмет этой надзорной отрасли и, самое главное, полномочия прокурора по осуществлению надзора за исполнением законов судебными приставами. Данное обстоятельство представляется существенным, поскольку полномочия прокуроров согласно ст. 129 Конституции РФ должны определяться федеральным законом.

Законодательную неурегулированность этого вопроса возможно устранить путем включения в Закон о прокуратуре самостоятельной главы, посвященной прокурорскому надзору за исполнением законов судебными приставами [3, с. 254].

Важными составляющими организации прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами-исполнителями является информационное обеспечение и планирование [4].

Следует заметить, что согласно указанию Генпрокурора РФ от 12 мая 2009 г. № 155/7 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами», «вменение в обязанности органов прокуратуры осуществления надзора за исполнением законов судебными приставами не повлекло адекватного этому увеличения штатной численности работников в территориальных прокуратурах. В связи с этим у прокуроров районного и областного звеньев существенно возросла нагрузка, что требует повышение интенсификации работы» [5, с. 353].

Для успешного осуществления организации прокурорского надзора в данном направлении необходимо специализированно закрепить этот участок надзорной деятельности за конкретным работником прокуратуры, что позволит оперативно осуществлять сбор всей необходимой статистической информации по рассматриваемому вопросу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бочарова С. Н. Совершенствование прокурорского надзора в исполнительном производстве: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002. – 147 с.

2. *Винокуров А. Ю.* О некоторых вопросах компетенции прокуроров районного звена при осуществлении надзора за исполнением законов судебными приставами // Актуальные вопросы организации и деятельности прокуратуры: избранные статьи. – М., 2012. – С. 302–308.
3. *Винокуров А. Ю.* Прокурорский надзор: учебник для бакалавров / А. Ю. Винокуров, К. Ю. Винокуров, Ю. Е. Винокуров; под общ. ред. А. Ю. Винокурова. – М.: Юрайт, 2013. – 418 с.
4. *Винокуров А. Ю.* Прокурорский надзор за исполнением законов при производстве по делам об административных правонарушениях: пособие. – М.: ИПК РК ГП РФ, 2004. – 84 с.
5. *Винокуров А. Ю.* Прокурорский надзор: учебник / под ред. О. С. Капинус; науч. ред. А. Ю. Винокуров. – М.: Юрайт, 2013. – 639 с.
6. *Винокуров Ю. Е.* Прокурорский надзор: учебник для бакалавров: для студентов вузов, обучающихся по юридическим специальностям и юридическому направлению / Ю. Е. Винокуров и др.; под общ. ред. Ю. Е. Винокурова. – Изд. 11-е, перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2013. – 479 с.
7. Официальный сайт Генпрокуратуры РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://genprok.gov.ru/smi/news/archive/>
8. Официальный сайт Генпрокуратуры РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://genprok.gov.ru/smi/news/archive/>
9. Официальный сайт Генпрокуратуры РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://genprok.gov.ru/smi/news/archive/>.
10. Официальный сайт Генпрокуратуры РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://genprok.gov.ru/smi/news/archive/>
11. *Царев П. Е.* Уголовно-правовая и криминологическая характеристика должностных преступлений, совершаемых сотрудниками органов Федеральной службы судебных приставов России ФССП России (на примере Чувашской Республики) // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. – 2013. – № 3. – С. 47–49.

УДК 343.775

Л. Ф. Шулепова

кандидат юридических наук, профессор кафедры международного и конституционного права Института права, экономики и управления информацией МГЛУ, доцент; e-mail: shulepov-n@mail.ru

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ПОЛОЖЕНИЙ В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ КОДЕКСЕ ФРАНЦИИ

В статье показаны способы криминализации экологических уголовно-наказуемых деяний в законодательстве Франции; проанализированы нормы французского Экологического кодекса, содержащие уголовно-правовые предписания; изучены возможности использования отечественным законодателем опыта западноевропейских стран в формировании института уголовно-правовой охраны окружающей среды.

Ключевые слова: уголовно-правовая охрана окружающей среды; экологические преступления; Экологический кодекс Франции; способы криминализации правонарушений в сфере экологии.

Shulepova L. F.

Ph.D (Law), Professor, Department of International and Constitutional Law, Institute of Law, Economics and Information Management, MSLU

LEGAL NATURE OF THE CRIMINAL PROVISIONS IN THE ENVIRONMENTAL CODE OF FRANCE

The article is devoted to the criminalization of environmental criminal offenses in French law; analyzed norms French Environmental Code, containing penal provisions; studied the possibility of using the domestic legislator experience of Western European countries in the formation of the institute of criminal law protection of the environment.

Key words: criminal-law protection of the environment; environmental crime; Environmental Code of France; ways to criminalize ecology offenses.

Европейские страны еще 15 лет назад, принимая во внимание, что неконтролируемое экономическое развитие может иметь своим результатом опасный уровень загрязнения окружающей среды, приняли Конвенцию о защите окружающей среды посредством уголовного законодательства (Страсбург, 4 октября 1998 г.). В Конвенции

указывается, что «нарушения, имеющие серьезные последствия для окружающей среды, должны быть квалифицированы как уголовные преступления, влекущие за собой соответствующие санкции» [4].

В 2008 г. Европейским Парламентом и Советом была утверждена Директива 2008/99/ЕС «Об уголовно-правовой охране окружающей среды», в которой отмечается: «Опыт показал, что существующие системы наказаний не эффективны для достижения полного выполнения законодательства о защите окружающей среды. Такое соответствие может и должно быть достигнуто посредством введения уголовного наказания, которое демонстрирует социальное порицание принципиально другого характера, нежели административные взыскания или механизм компенсаций по гражданскому праву» [1].

В национальных законодательствах используются различные технологии уголовно-правовой охраны окружающей среды. В ряде стран составы экологических преступлений формируются только в уголовных кодексах. Например, в Российской Федерации им посвящена глава 26 УК («Экологические преступления»), содержащая 18 статей (ст. ст. 246–262). За пределами УК в России уголовно-правовых норм не существует. В новом УК Венгрии, вступившем в силу с 1 июля 2013 г., глава XXIII («Преступления против природопользования и охраны окружающей среды») также объединила все составы уголовно наказуемых деяний, совершаемых в экологической сфере (ст. ст. 241–253).

В некоторых государствах используется двунаправленный способ криминализации – составы экологических преступлений включены как в уголовные кодексы, так и в источники регулятивных отраслей права. Так, в УК Германии имеется раздел XXIX («Преступления против окружающей среды»), состоящий из 13 параграфов (§§ 324 – 330d) [10, с. 163–172.]. Одновременно в рамках дополнительного уголовного права («Nebenstrafrecht») многочисленные составы экологических преступлений сформулированы в иных законах. Это законы о химикатах, об охране животного мира, об охоте, об охране растительного мира, о лекарственных средствах и т. д.

Во Франции криминализация правонарушений в сфере экологии осуществляется не в уголовном, а в отраслевом законодательстве об охране окружающей среды. В УК Франции имеется несколько статей (322-5, 322-6, 421-2, 461-28), в которых нанесение ущерба окружающей среде указывается в качестве квалифицирующего

признака преступления. Однако в названных статьях сформулированы составы не экологических, а иных преступлений (уничтожение или повреждение имущества, терроризм, применение запрещенных средств и методов ведения войны). Что же касается уголовного права окружающей среды, то его основу составляют нормы Экологического кодекса Франции 2000 г. («*Code de l'environnement*») [15] (далее – Кодекс). О концепции рассматриваемого Кодекса можно судить, ознакомившись с его структурой. Он состоит из законодательной и регламентационной (подзаконной) частей, каждая из которых включает семь книг.

Первая книга законодательной части («Общие положения») имеет семь разделов: общие принципы; информация и участие граждан; учреждения; ассоциации охраны окружающей среды и местные органы власти; финансовые положения; профилактика и возмещение ущерба, причиненного окружающей среде; общие положения, касающиеся контроля и санкций.

Вторая книга («Физические среды») состоит из двух разделов: вода, водные и морские среды; воздух и атмосфера.

Третья книга («Природные пространства») сконструирована из семи разделов: опись и оценка естественного достояния; побережье; парки и заповедники; участки; пейзажи; доступ к природе; зеленые и синие кадры.

Четвертую книгу («Природное наследие») составляют три раздела: охрана природного наследия; охота; пресноводная рыбалка и управление рыбными ресурсами.

Пятая книга («Предотвращение загрязнений, рисков и вреда») включает девять разделов: классы установок для охраны окружающей среды; химикаты, биоциды и вещества наночастиц; генетически модифицированные организмы; отходы; специальные положения для некоторых сооружений или установок; предотвращение стихийных рисков; предотвращение вредного шума; охрана жизненного пространства; ядерная безопасность и основные ядерные установки.

Шестая книга содержит положения для заморских территорий (Новая Каледония, Французская Полинезия, Уоллис и Футуна, Французские Южные и Антарктические земли, Майотта).

Седьмая книга посвящена охране окружающей среды в Антарктике [3, с. 44 – 46; 13, с. 3 – 136].

Безусловно, основу Кодекса составляют регулятивные нормы. Однако в целях обеспечения их эффективности он наполнен так называемыми специально-охранительными нормами. Особо впечатляет широта представленных в документе уголовно-правовых предписаний. В нем более двухсот норм устанавливают уголовную ответственность за экологические правонарушения и условия ее реализации. В каждой из семи книг эти нормы образуют разделы (подразделы), которые озаглавлены по-разному, в основном как «Уголовно-правовые положения» («Dispositions pénales») или как «Уголовно-правовые санкции» («Sanctions pénales»). В некоторых разделах Кодекса, именуемых «Установление преступлений» («Constatation des infractions»), определены категории и полномочия лиц, призванных наряду с агентами судебной полиции расследовать экологические преступления.

Уяснение юридической природы уголовно-правовых предписаний, содержащихся в Кодексе, позволяет расширить наши представления о возможных формах взаимодействия норм уголовного права и норм отраслевого законодательства, избрать наиболее эффективный способ уголовно-правовой охраны окружающей среды.

Массив уголовно-правовых предписаний в Кодексе образуют две различные по сферам применения группы норм, одни из них являются общими, а другие – специальными.

Общий характер носят нормы, закрепленные в книге I разделе 7 законодательной части Кодекса («Общие положения, касающиеся контроля и санкций»). В ст. L170-1 названного раздела определяются единые требования к осуществлению того или иного вида деятельности, сопряженного с угрозой причинения вреда окружающей среде, и единые санкции на случай неисполнения или ненадлежащего исполнения этих требований. Специальные предписания, касающиеся контроля и санкций, содержащиеся в других разделах кодекса, либо дополняют эти общие положения, либо, если и отклоняются от них, то ввиду специфики сферы регулирования.

В общих уголовно-правовых нормах криминализованы, в частности следующие составы экологических правонарушений:

а) осуществление лицом какой-либо деятельности без разрешения, регистрации, лицензирования, утверждения или удостоверения в нарушение установленных статьями Кодекса [7] правил (ст. L173-1 в редакции, принятой в 2013 г. во исполнение решения Евросоюза по вопросам устойчивого развития) [14];

б) занятие каким-либо видом деятельности без ее декларирования или авторизации, если это противоречит требованиям норм [8] экологического законодательства (ч. 1 ст. L173-2);

в) неисполнение предписания компетентного органа с требованием о необходимости прекращения деятельности, нарушающей экологические нормы (ч. 2 ст. L173-1, ч. 2 ст. L173-2).

Деяния, указанные в п. п. «а» и «б», влекут наказания в виде одного года тюремного заключения и штрафа в размере соответственно 75 тыс. и 15 тыс. евро. В п. «в» обозначены проступки, наказуемые двумя годами тюремного заключения и штрафом в размере 100 тыс. евро.

Если в результате совершения одного из упомянутых деяний будет нанесен серьезный вред здоровью и безопасности людей или причинен существенный ущерб фауне и флоре, качеству воздуха, почвы и воды, размер наказания существенно увеличивается – до пяти лет тюремного заключения и штрафа в размере 300 тыс. евро (ч. 3 ст. L173-3).

Кроме того, в ст. L173-7, которая была введена в Кодекс ордонансом №2012-34 от 11 января 2012 г. [16], закреплено общее правило о том, что к физическим лицам за причинение вреда окружающей среде могут применяться и некоторые дополнительные наказания, в том числе:

1) доведение приговора об осуждении до общественности через средства массовой информации, включая электронные;

2) конфискация вещи, которая использовалась или предназначалась для использования при совершении преступления;

3) приостановка («immobilisation») на срок до одного года права пользования транспортным средством (автомобилем, кораблем, лодкой, морским или воздушным судном), принадлежащим осужденному на праве собственности и использовавшимся им при совершении преступления;

4) лишение права на занятие профессиональной деятельностью до пяти лет, при осуществлении которой было совершено преступление.

Упомянувшимся ордонансом №2012-34 от 11 января 2012 г. раздел 7 книги I Кодекса был дополнен ст. L173-8 об уголовной ответственности юридических лиц за преступные деяния в сфере экологии. В названной статье установлено, что юридические лица несут

уголовную ответственность в соответствии со ст. 121-2 УК, т. е. им назначается денежный штраф в размере, равном пятикратному размеру штрафа, предусмотренного в санкции соответствующей статьи для физических лиц. Если наказание для физического лица связано только с лишением свободы, юридическое лицо может быть подвергнуто штрафу в размере 1 млн евро. Кроме того, за экологические преступления к юридическому лицу могут быть применены дополнительные наказания: судебный надзор; ликвидация; исключение из государственных закупок; запрет на сделки с ценными бумагами; конфискация; доведение приговора до общественности.

Специальные уголовно-правовые предписания включены в книги II–VII Кодекса, регулирующие охрану отдельных объектов окружающей среды. Всего в законодательной части Кодекса насчитывается более 60 санкций, предусматривающих уголовное наказание в виде лишения свободы на сроки от 3 мес. до 10 лет. В процентном отношении, исходя из сроков тюремного заключения, санкции распределяются следующим образом: 10 лет – 3,2%; 7 лет – 6,4%; 5 лет – 4,8%; 4 года – 1,6%; 3 года – 4,8%; 2 года – 40,0%; 1 год – 24,0%; 3 месяца – 10%.

Штраф альтернативно с лишением свободы предусмотрен в 60 санкциях, а без лишения свободы – более чем в 15 санкциях. Размеры штрафов установлены в пределах от 4 тыс. до 15 млн евро

В регламентационной части кодекса насчитывается более 110 составов уголовно наказуемых нарушений, из них более половины (59) – 5-го класса (штраф до 1500 евро, при рецидиве – до 3 тыс. евро, максимально – до 3750 евро). Вторую половину в основном составляют нарушения 4-го класса (штраф до 750 евро) – 26 составов и 3-го класса (штраф до 450 евро) – 22 состава. 5 составов имеют категорию 2-го класса (штраф до 150 евро) и 3 состава – 1-го класса (штраф до 38 евро).

Определяя природу правонарушений, за совершение которых в Кодексе предусмотрена уголовная ответственность, отметим, что во Франции в соответствии со ст. 111-1 УК уголовно наказуемые деяния делятся на три категории: преступления («*crimes*»), проступки («*délits*»), нарушения («*contraventions*»). Такая классификация преступных деяний предопределяет систему наказаний. За совершение преступлений закон устанавливает уголовные наказания в виде пожизненного лишения свободы или тюремного заключения на сроки

15, 20 и 30 лет. Проступки – деяния, за которые законом установлены исправительные наказания, максимальным из которых является тюремное заключение на срок 10 лет, а минимальным – штраф в размере 4 тыс. евро. За нарушения предусмотрено наказание в виде штрафа в размере от 38 до 3750 евро.

Следуя указанной категоризации уголовно наказуемых деяний, можно заключить, что рассматриваемый Кодекс содержит составы примерно 70 уголовных проступков в законодательной части и более 110 уголовных нарушений в регламентационной части.

На примере Кодекса можно сделать вывод, что французское уголовное законодательство не стремится в своем развитии к полной кодификации. Предполагается, что в отличие от бланкетных норм действие уголовно-правовых положений, включенных непосредственно в механизм правового регулирования отдельных сфер общественной жизни, является более эффективным. Взаимодействуя с нормами регулятивных отраслей законодательства непосредственно, эти предписания напрямую воздействуют на правопорядок, демонстрируя, с одной стороны, значимость регулируемой сферы деятельности, а с другой – информируют субъектов конкретных правоотношений об уголовно-правовых последствиях неисполнения (нарушения) требований специального акта. Так, источниками французского уголовного права параллельно с УК являются другие кодексы (налоговый, дорожный, градостроительный, трудовой, интеллектуальной собственности и т. д.), а также многочисленные законы и подзаконные акты [9, с. 388].

В заключение заметим, что и в других западноевропейских странах система законодательства сконструирована так, что позволяет законодателю, несмотря на наличие уголовного кодекса, осуществлять охрану важнейших сфер общественной жизни с помощью уголовно-правовых норм, включенных непосредственно в акты регулятивных отраслей права. Эти акты в основном состоят из положений, регулирующих публично-правовые или гражданско-правовые отношения. В то же время в целях охраны названных отношений они устанавливают уголовную ответственность за совершение преступных посягательств на интересы экономики, здравоохранения, обороны, экологии, производства продовольственных товаров и т. д. [11].

Построение системы современного российского уголовного права основано на закреплённом в ст. 1 УК РФ положении, определяющем: «Уголовное законодательство Российской Федерации состоит

из настоящего Кодекса. Новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий Кодекс». Таким образом, законодательная власть России, следуя традициям советской школы уголовного права, фактически отказалась от других возможных форм гибкого регулирования уголовно-правовых отношений, придав УК силу единственного, реально влияющего на правоприменительную деятельность источника материального права. По бытующему мнению, поддерживаемому некоторыми отечественными авторами, полная кодификация уголовно-правовых норм позволяет сохранить «определенные гарантии законности в сфере осуществления правосудия по уголовным делам» [5, с. 58]. Однако в последнее время появились статьи и монографии, защищены диссертации, обосновывающие необходимость расширения источников российского уголовного права, призывающие «отказаться от ставшего догмой указания на УК как на единственный источник отрасли уголовного права» [6, с. 25]. Следует также учесть, что отечественное уголовное право вплоть до середины XX в. не было полностью кодифицировано. «Характерной чертой его развития, – отмечает М. С. Жук, – на протяжении многих веков была самостоятельная институциональная кодификация норм об ответственности за некоторые преступления» [2, с. 22]. Полагаем, что постановка вопроса о декодификации уголовного права России [12, с. 216–221] в настоящее время заслуживает внимания ученых-юристов, в том числе для обеспечения эффективной борьбы с экологическими преступлениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Директива № 2008/99/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «Об уголовно-правовой охране окружающей среды» (Страсбург, 19 ноября 2008 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Система КонсультантПлюс.
2. Жук М. С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2013. – 62 с.
3. Калининченко В. Т. Экологический кодекс Франции // Экологическое право. – 2010. – № 6. – С. 44–46.
4. Конвенция о защите окружающей среды посредством уголовного законодательства (ETS № 172) (Страсбург, 4 октября 1998 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Система КонсультантПлюс.

5. *Наумов А. В.* Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. – М.: БЕК, 1996. – 560 с.
6. *Пудовочкин Ю. Е.* Источники уголовного права РФ // Журнал российского права. – 2003. – № 5. – С. 64–75.
7. Ст. ст. L.214-3, L. 512-1, L. 512-7, L. 555-9, L. 571-2, L. 571-6 и L. 712-1 Экологического кодекса.
8. Ст. ст. L. 332-3, L. 332-9, L. 332-17, L. 411-2, L. 413-3, L. 512-8 и др. Экологического кодекса.
9. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: Учебное пособие / под ред. и с предисл. И. Д. Козочкина. – М.: Омега-Л, Институт международного права и экономики им. А. С. Грибоедова, 2003. – 576 с.
10. *Хюпер Р.-Й.* Применение уголовного экологического права в Германии // Экологическая преступность в Европе / сост. Ф. Комт, Л. Кремер; отв. ред. О. Л. Дубовик. – М.: Городец, 2010. – С. 163–171.
11. *Шулепова Л. Ф.* Современное немецкое дополнительное уголовное право («Nebenstrafrecht»). Монография. – М., 2007. – 251 с.
12. *Шулепов Н. А.* Перспективы декодификации российского уголовного права // Проблемы развития современного уголовного законодательства: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 24 января 2012 г.). – М.: РПА Минюста России, 2012. – С. 216–220.
13. Экологический кодекс Франции // Проблемы окружающей среды и природных ресурсов. – 2007. – № 9. – С. 3–136.
14. LOI n° 2013-619 du 16 juillet 2013 portant diverses dispositions d'adaptation au droit de l'Union européenne dans le domaine du développement durable JORF n°0164 du 17 juillet 2013 page 11890 texte n° 2.
15. Ordonnance n° 2000-914 du 18/09/00 relative à la partie Législative du code de l'environnement // JORF n°219 du 21 septembre 2000.
16. Ordonnance n° 2012-34 du 11 janvier 2012 portant simplification, réforme et harmonisation des dispositions de police administrative et de police judiciaire du code de l'environnement // JORF n°0010 du 12 janvier 2012 page 564, texte n° 6.